

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.А. Кунгушева

Внутренняя форма слова
и причины её утраты

Учебно-методическое пособие

Благовещенск

2010

Кунгушева И.А.

Внутренняя форма слова и причины её утраты. Учебно-методическое пособие. - Благовещенск: Амурский гос.ун-т, 2010.

В учебно-методическом пособии, разработанном в дополнение к программам спецсеминара «Актуальные проблемы мотивологии» и курса «Лексикология современного русского языка», рассматриваются проблемы стирания внутренней формы слова и деактуализации мотивационных отношений между словами, обусловленных фонетическими, словообразовательными, лексико-семантическими и экстралингвистическими причинами. Теоретический материал сопровождается заданиями для самостоятельной практической работы, способствующей формированию научно-исследовательских навыков.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов, учителей-словесников и всех, кто интересуется русским языком и его историей.

Рецензенты: В.В.Коломенская, зав.кафедрой методики начального обучения БГПУ, канд. филол. наук, доцент;
Е.А. Оглезнева, канд. филол.наук, доцент кафедры русского языка АмГУ.

Введение.

Проблема утраты внутренней формы слова в лингвистике

Проблема взаимообусловленности звука и смысла волновала учёных с давних времён. Понятие «образа имени» восходит к постулатам древнегреческой философии и непосредственно связано с установлением природы названия, отражающей характер связи между именем вещи и самой вещью. В диалоге «Кратил» Платон всесторонне анализирует мнение о том, что «существует правильность имён, присущая каждой вещи от природы» [Платон, 1968, 383], и что «давать имена нужно именно <...> в соответствии с природой <...>, а не так, как нам заблагорассудится» [там же, 387]. Идеи Платона о «правильных» и «неправильных» именах стали фундаментом, на котором в дальнейшем Ф. де Соссюр построил теорию развития знака как точку приложения двух разнонаправленных сил: тенденции к мотивированности и тенденции к произвольности. По его мнению, «не существует языков, где нет ничего мотивированного, но немыслимо себе представить и такой язык, где мотивированным было бы всё» [Соссюр Ф., 1977, 165].

На этой основе развивается концепция А.А. Потебни о динамическом характере внутренней формы слова (ВФС). Выдвинув тезис об утрате отдельными словами ВФ, он дал этому явлению своеобразное толкование. Именно А.А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» впервые развёл понятия «внутренняя форма слова» и «представление» (этимологическое значение слова, этимон). Базовым стало высказывание: «Представление составляет непрерывную стихию возникающего слова, но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо» [Потебня А.А., 1958, 8].

Если А.А. Потебня только констатировал возможность утраты ВФС, то в трудах представителей Казанской лингвистической школы, в частности Н.В. Крушевского и В.А. Богородицкого, данная проблема рассматривается в плане тех морфологических процессов, которые переживает слово в своём развитии. Они раскрывают механизм утраты ВФ, когда связывают это явление с процессом опрощения.

Попутные обращения к вопросам, непосредственно связанным в дальнейшем с разработкой проблемы утраты ВФС, содержатся в трудах Р.Р. Гельгардта, М.М. Покровского, Р.А. Будагова. Интерес лингвистов к данной теме объясняется распространённым в то время убеждением, что главная цель языковедов – это реконструкция истории объекта изучения. Наблюдения исследователей 19- начала 20-го вв., носящие зачастую характер отдельных замечаний, имели принципиально важное значение для последующей разработки проблемы.

Новый значительный вклад в развитие учения о видоизменении ВФ лексических единиц был внесён Л.А. Булаховским. Им впервые выделено и названо явление деэтимологизации. «Одно слово, - пишет исследователь, - деэтимологизируется – перестаёт напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе оно было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного «гнезда», становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [Булаховский Л.А., 1949, 147]. В работах «Деэтимологизация в русском языке» (1949) и «Типы деэтимологизации в русском языке» (1953) Л.А. Булаховский сформулировал определение ДЭ и поставил теоретические вопросы, которые определяют место этого процесса среди других явлений. Им также обозначены основные причины, способствующие стиранию ВФ (фонетические и семантические).

В дальнейшем мнение о нестатичности ВФС становится в языкознании общепризнанным. Исследователи 50-60-х гг. уже считают неоспоримым факт забвения словом мотивировки. В.Г. Гак по этому поводу замечает: «Развитие мотивированности слова столь же естественное явление, как и демотивация». [Гак В.Г., 1966, 21]. Об этом свидетельствуют работы Б.А. Звегинцева (1957), С.С. Масловой-Лашанской (1958), А.И. Моисеева (1963), И.С. Торопцева (1964) и др., в которых вопросы утраты ВФ уточняются и продолжают расширяться.

В процессе осмысления сущности ВФС внимание учёных акцентируется на роли мотивированности и мотивировочных признаков в слове. В связи с этим высказываются небесспорные мнения об избыточности ВФ в процессах коммуникации. В частности А.И. Моисеев, исследуя мотивированность слов в

рамках диахронного словообразования, пишет: «Мотивированность, внутренняя форма слова, если бы она всегда осознавалась говорящими, в ряде случаев мешала бы правильному пониманию значения слова (см. краска, чернила, стрелять из винтовки). Само развитие значения слов возможно лишь при условии утраты ими своей внутренней формы» [Моисеев А.И., 1963, 124]. Или аналогичное замечание Н.Н. Амосовой: «Этимологическая структура слова совершенно несущественна для языкового общения, для которого единственно важным является действующее значение употребляемого слова» [Амосова Н.Н., 1956, 29]. По этому поводу среди учёных, занимающихся проблемами мотивированности и ВФС, разворачивается бурная дискуссия (см. работы М.М. Гинатуллина (1969), Л.Р. Зиндера (1971), А.П. Журавлёва (1974), В.Г. Вариной (1976), Н.И. Мигириной (1977), Б.А. Серебренникова (1977), А.А. Уфимцевой (1977), В.В. Бибикина (1978), Б.А. Зильберта (1978) и др.). В этой связи делается ряд важных наблюдений. Например, о том, что мотивированность ограничивает свободу сочетаемости слова с другими лексическими единицами, а немотивированные слова обладают большей валентностью. Как полагают С.С. Маслова-Лашанская и В.Г. Гак, «тенденция внутренней формы к стиранию играет важную роль, потому что облегчает дальнейшее развитие слова, использование слова во всё новых сочетаниях» [Маслова-Лашанская С.С., 1958, 35].

Серьёзным теоретическим вкладом в осмысление утраты ВФС стали работы Т.Г. Аркадьевой: кандидатская диссертация «Деэтимологизация языка и её обусловленность в русском языке» (1973), докторская диссертация «Преобразование этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка» (1990) и серия статей по данной проблематике (1970-1990). Т.Г. Аркадьева существенно углубляет представление о классе слов, утративших ВФ. Последние в её концепции имеют статус этимонимов и анализируются сквозь призму словообразовательных отношений. Исследователь делает акцент на семантике исторически производных слов, не обнаруживающих живых словообразовательных связей в современном русском языке. Отражением нарушения подобной, повторимся – словообразовательной мотивации, по её мнению, явля-

ется ДЭ слов. «Рассмотрение деэтимологизации строится в ориентации на те отношения между словами, которые складываются с разрушением деривационных связей, когда мотивированность, создаваемая отношением к производящей основе и аффиксам, утрачивается, и распадается одна из осей значения слова» [Аркадьева Т.Г., 1973, 6].

Как видим, закономерности эволюции мотивировки в отдельных словах и лексике в целом интересовали многих лингвистов. Их работы доказывают, что утрата ВФС – важное и весьма сложное явление, которое вызывает у исследователей противоречивые мнения.

Зарождение и последующее развитие проблемы утраты ВФС можно условно свести к трём этапам:

1. Период формирования и выдвижения гипотезы об утрате словом его ВФ. Данный этап связан с именами Ф.де Соссюра, А.А. Потебни, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого, Р.Р. Гельгардта, М.М. Покровского, Р.А. Будагова и др.

2. Вторым периодом является время подтверждения истинности выдвинутой гипотезы. В этот период наблюдается эволюция представлений о проблеме стирания «внутреннего образа», движение от недостаточно полного знания к более достоверному (работы Н.Н. Амосовой, Л.А. Булаховского, В.Г. Гака, Б.А. Звегинцева, С.С. Масловой-Лашанской, А.И. Моисеева, И.С. Торопцева и др.).

3. Третий – этап обоснования определённых аспектов в зависимости от трактовки ВФС. Исследователи идут от уровня проблематических сведений об утрате ВФ до определённых концепций и теорий. Расширяется сфера исследовательских интересов и эмпирическая база. Всё это наблюдается в трудах Т.Г. Аркадьевой, О.И. Блиновой, Н.Д. Голева, Н.А. Исаевой, М.Л. Котина, Д.С. Сетарова, И.С. Улуханова.

§ 1. Сущность явления демотивации лексических единиц

Как известно, словесные знаки не могут возникнуть без первоначальной мотивированности – «внутренняя форма хотя бы исторически присуща любой

лексической единице» [Кияк Т.Р., 1989, 100]. Ещё А.А. Потебня в своё время отметил, что «представление... составляет непрременную стихию возникающего слова» [Потебня А.А., 1958, 19]. Представлением в данном случае является внутренняя форма слова как средство реализации свойства мотивированности¹. Лингвисты неоднократно подчёркивали, что «слова-названия обладают универсальным типологическим свойством – исходной мотивацией. Языковой знак принципиально мотивирован, ибо мотивация одним из признаков объекта денотата является обязательной ступенью предноминативного процесса» [Сетаров Д.С., 1992, 40]; что «в своей изначальной форме язык был вполне определённым и прозрачным знаком вещей, стремясь походить на них, отражать их в своей форме» [Фуко М., 1977, 83]. Таким образом, «каково бы ни было реальное значение слов, каков бы ни был путь, пройденный ими в своём историческом развитии, базой для их возникновения и исходным пунктом формирования дальнейшей эволюции их значения всегда является обычная, пусть даже условная или частичная мотивация. <...> Без мотивации слова могут существовать и функционировать, но возникнуть помимо неё они практически не могут» [Моисеев А.И., 1963, 129].

Но генетическое начало не может бесконечно сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин (лингвистических и экстралингвистических) тенденция к произвольности языкового знака расшатывает былую мотивированность лексической единицы. В словесном знаке происходят такие языковые процессы (фонетические, морфологические, семантические), носящие деструктивный характер, которые приводят к угасанию мотивационных отношений между словами.

Механизм действия далеко не скоротечного процесса демотивации (утраты внутренней формы слова) можно представить следующим образом.

Возьмём, к примеру, слово *кольчуга*, образованное от сущ. *кольцо* при помощи суфф. *-уг-* (как *дерюга*). В ранние исторические периоды оно имело реаль-

¹ Мотивированность - структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его звучания и значения на основе соотнесённости с другими лексическими единицами языка [Блинова О.И., 2000, 5].

ные мотивационные связи с единицами одного словообразовательного гнезда *колесо, колобок, калач, кулебяка* и, конечно, со своим прямым мотиватором сущ. *кольцо*. Эти связи актуализировались до тех пор, пока не вступила в силу тенденция к произвольности языкового знака, отразившаяся в конкретной причине демотивации данного слова – в исчезновении из языка сущ. *коло* «круг», являющегося номинативной базой всех названных существительных. Фонетическое чередование *-кол-/-кал-/-кул-* усугубило обособление данных слов. Как итог – в современном языке наблюдается картина, которую Л.А. Булаховский охарактеризовал так: «Одно слово перестаёт напоминать другое слово или слова, с которыми оно раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного «гнезда», становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [Булаховский Л.А., 1949, 147]. Другой пример. В сущ. *мука*, производном от глагола *мять*, деактуализировался исходный мотивировочный признак «мягкая» (в отличие от зерна), послуживший опорой для называния. В результате несущественности данного признака для современных носителей языка и редкой актуализации мотивационных отношений исходный признак постепенно забывается. Этому способствует и то, что в процессе социально-речевого обихода слово переоформилось в своём звуковом облике. И названное существительное из разряда мотивированных переходит в группу немотивированной лексики.

В подобных словах внутренняя форма, являясь мобильным образованием, проходит определённые этапы развития. Изначально она предстаёт живой, легко осознаваемой носителями языка более ранних эпох (как, например, сегодня в существительных *подорожник, подснежник, снегирь, кукушка* и др.). Затем её структура расшатывается по мере угасания мотивировочного признака и под воздействием других обстоятельств и, наконец, стирается вовсе.

Внутренняя форма слов может являть собой полное своё исчезновение, как например, в словах *зуб, десна, око, веко, кровь, волос, уста, брюхо, тело, язык, язва* и т.п. Такую внутреннюю форму называют мёртвой. Этимологические словари не позволяют определить точное происхождение подобных слов

и, как следствие, их первичный мотиватор. Относительно истории таких слов можно найти лишь указание на праславянский или индоевропейский корень, к которому восходят данные лексические единицы: *зуб* - о.-с. **zǫbъ* «нечто выросшее, выступ»; *десна* - о.-с. **desn* к и.-е. **dent* «зуб»; *око* – и.-е. **oku* «смотреть»; *волос* – о.-с. **volsъ* «отросток»; *уста* – о.-с. **usto* к и.-е. **os* / **ous* «рот»; *брюхо* – и.-е. **bhreu* «набухать, вздуваться»; *язва* – о.-с. **jazva* «дыра, трещина» и др., следовательно, нет возможности реконструировать их ВФ.

В лексических единицах, испытавших действие процесса ДМ, изменения во внутренней форме происходят как на уровне мотивационного значения (МЗ), так и на уровне мотивационной формы (МФ). Они утрачиваются одновременно. Так, ВФ слов *особа* и *сустав* в более ранние периоды развития языка имела такую структуру:

МФ о / соба
ВФС < | | > тот, кто сам по себе, для себя.

МЗ «для, про» «себя»

МФ су / став
ВФС < | | > нечто составленное, соединённое.

МЗ «со, вместе» «ставить»

После ДМ ВФ данных существительных не находит своего выражения, условно выглядит так:

МФ ?
ВФС < > ?

МЗ ?

Она может быть восстановлена лишь путём целенаправленного этимологического анализа. Об исчезновении ВФС свидетельствуют в первую очередь показания языкового сознания говорящих, для которых связь значения и звуковой оболочки с точки зрения современного языка необъяснима. Если эта связь не реконструируется посредством ментальных операций коммуниканта, то для него слово лишено мотивации: «*Коньё. Не знаю, почему оно так называется*»

[19/24].² «Букашка. Не знаю, откуда у неё такое название» [46/50]. «Рубаха. Это одежда, а как образовалось само слово, непонятно» [33/47] и др.

Слова, подвергшиеся ДМ, служат отражением произвольности (немотивированности) отношений между означаемым и означающим. В таких лексических единицах, как *ворот*, *гроб*, *логово*, *паром*, *платье*, *плот*, *пряжка*, *сок*, *счастье*, *узор*, *юла* и др., наблюдается отсутствие взаимосвязи между звуковой формой слова и его содержанием. Будучи мотивированными диахронически, в синхронии они таковыми не являются. Для сравнения можно представить их былые мотивационные связи: *ворот* – от *вертеть* (см. *оборот*, *сверстник*); *гроб* – от *грести* (см. *сугроб*, *гребень*); *паром* – от *переть* (см. *перила*, *порт*, *прения*, *распри*); *плот* – от *плести* (см. *плотник*, *плотина*, *плетень*); *пряжка* – от *запрягать* «затягивать» (см. *пружина*, *упругий*, *упряжь*, *напрягать*); *сок* – от *сосать* (см. *чечевица*, *щавель*, *щи*); *счастье* – от *часть* (см. *участь*, *причастие*); *узор* – от *узреть* «увидеть» (см. *зрачок*, *позор*, *зрелище*); *юла* – от *вить* (см. *вьюга*, *юркий*, *ветвь*, *вилок*). В современном языке данные слова получают статус демотиватов. Под демотиватом понимается лексическая единица, утратившая способность быть мотивированной в результате действия процесса затемнения ВФ. Демотиват, являясь антиподом мотивата, характеризуется условностью и произвольностью связи звучания и значения слова. Его материальная форма по причине фонетических и морфологических преобразований не может актуализировать своё мотивационное значение, что приводит к асимметрии языкового знака. Отношения внутри знакового комплекса демотивированного слова приобретают условность, при которой единство языкового содержания и языковой формы обусловлено лишь генетически.

Нужно заметить, что, говоря об условности и произвольности языкового знака, речь идёт только о мотивированной лексике, которая изначально была обусловлена по отношению к значению. Во внимание не берутся искусственно сочинённые единицы типа *лавсан*, *нейлон* и т. п. Этим знакам, по мнению Т.Г. Султангузина, значение дано согласно договорённости [Султангузин Т.Г.,

² Первая цифра свидетельствует о ДМ слова, вторая отражает общее число информантов.

1966, 19], а потому они характеризуются искусственностью, а не условностью, порождающей естественные противоречия между звучанием и значением. Лингвисты относят их к числу «произвольно выдуманных слов» [Журавлёв А.Ф., 1982, 52], подобных таким, которые используются в научно-фантастической литературе для обозначения несуществующих в нашем мире реалий (техники, флоры, фауны и т.п.) и которые редко становятся достоянием языка, как это произошло, например, со словами *лилипут* (Д. Свифта), *робот* (К. Чапека) или *утопия* (Т. Мора). Ср.: «Но уже хищный **ИХИ** распростёр острые крылья... и глаза страшного **ЧА** горят сквозь глубокую заросль... когда при свете двух лун – **ОЛЛО** и **ЛИТХА** – ночью злой паук, **ЦИТЛИ**, оплетает паутиной твою хижину, - стань тенью, и **ЦИТЛИ** не поймают тебя» (А. Толстой, «Аэлита»).

Практические задания к § 1

Задание № 1. Укажите слова с живой внутренней формой и установите их мотивационные связи с другими лексическими единицами современного русского языка.

а) *глухарь, грач, гусь, дятел, зимородок, кукушка, петух, поползень, рябчик, скворец, снегирь, трясогузка.*

б) *акация, багульник, груздь, жмых, кактус, липа, медунница, одуванчик, напоротник, подберёзовик, фикус, черника, чечевица, щавель.*

Задание № 2. Распределите слова на группы с точки зрения ясности / неясности их внутренней формы: *время, дуло, жатва, завтрак, кольцо, личинка, мыло,мышь, окно, поблажка, помазок, свёкор, творог, устье, чёлка, чернила.*

Задание № 3. Укажите демотивированные лексические единицы.

а) *владелец, вурдалак, дурак, иждивенец, кормилец, провидец, соплеменник, соперник, супруг, туняедец;*

б) *мука, мясорубка, мяч, палка, платье, поварёшка, светильник, сосуд, сукно, топор, тряпка, чайник.*

Задание № 4. Какие названия дней недели в современном русском языке не имеют внутренней формы слова?

Задание № 5. Чем различаются слова первой и второй групп с точки зрения их внутренней формы?

1) *ближний, болтун, веялка, огниво, паяльник;*

2) *арапник, бремя, колтун, олово, скалка.*

Задание № 6. С помощью этимологического словаря реконструируйте утраченную внутреннюю форму демотивированных существительных, выясните их былые мотивационные связи.

Глина, восток, дорога, дым, край, место, логово, насекомое, опыт, пещера, полено, полог, степь.

Задание № 7. Из этимологического словаря выпишите слова различных частей речи, которые утратили мотивационные связи со своими генетическими мотиваторами.

Задание № 8. Установите генетические мотивационные связи слова *петля*, пользуясь аналогией с семейством слов *метель, сумятица, смута, мутить* и т.п.³

Задание № 9. Имелись ли в прошлом мотивационные связи между словами *принимать* и *объятие*?

Задание № 10. Как доказать наличие былых мотивационных отношений между словами *оборот* и *отвёртка*?

³ Правильность выполнения упражнений проверьте по этимологическому словарю.

§ 2. Границы демотивации

ВФС как уникальное динамическое образование может характеризоваться различным уровнем своего состояния (прозрачная, окаменевшая, затемнённая, утраченная, возобновлённая и т.п.). Следовательно, ДМ – это определённая ступень лексической единицы в своём непрерывном развитии, идущем от мотивации к ДМ и обратно. Явление утраты ВФС не может возникнуть мгновенно. Стирание «внутреннего образа» происходит постепенно, и оно, естественно, предполагает взаимодействие неких механизмов языка.

Являясь частью лингвистической системы, ДМ невольно вступает в различного рода отношения с теми или иными языковыми явлениями и процессами. Например, с диахронной точки зрения, наблюдается тесная взаимосвязь ДМ с процессом опрощения, со многими фонетическими и семантическими процессами. На синхронном уровне обнаруживается взаимодействие с такими смежными явлениями, как мотивация, РМ, ЛВФС и т.п. В связи с этим возникает вопрос о границах явления ДМ слов.

§ 2.1. Демотивация, мотивация и ремотивация

Особенности взаимодействия явлений ДМ и мотивации слов можно в какой-то степени пронаблюдать, анализируя процесс ремотивации (РМ). Ремотивация – это процесс обретения словом мотивированности в случае её утраты (при демотивации или заимствовании) на основе установления им мотивационных связей [Блинова О.И., 2007, 197]. Например, сущ. *муравей*, известное в древнерусском языке как *морovej*, будучи изолированным от других слов, установило мотивационную связь со словом *мурава* «трава» (*муравей*, т.е. ползающий по мураве) и преобразовалось в *муравей* [Крушевский Н., 1889, 110].

Ряд примеров приводит Д.Н. Шмелёв. Слово *буйвол* является заимствованием из латинского *bubalus* (народнолатинское *buvalus*). В древнерусском языке оно употреблялось в форме *быволь*. Его преобразование в *буйвол*, как свиде-

тельствуется Д.Н. Шмелёв, произошло во всех восточнославянских языках, в итоге установления мотивационных отношений со словом *буй* «дикий» и *вол*.

Слово *веер* представляет собой заимствование начала 18-го века из немецкого *Facher* (от ср.-в.-нем. *fachen* «дуть», ср. родств. нем. *facheln* «обмахиваться»). В русском языке оно изменило свою звуковую форму в итоге мотивации словом *веять*.

Слово *изъян* – заимствование из тюркских языков (ср. казах. *зыян*). Начальное И развилось в результате сближения с глаголом *изъять* [Шмелёв Д.Н., 1977, 229-230].

Исключая сведения о первичности/вторичности мотивации лексических единиц, учитывая динамику языка и языковое сознание говорящих, РМ можно рассматривать как явление, находящееся в отношениях включения с явлением мотивации слов, т.к. «связи и отношения, образуемые ремотивацией, реальны и естественны с точки зрения носителей языка, как и связи исконно мотивированных слов» [Курышева М.В., 1989, 32].

По отношению к мотивированности языкового знака явления, отражающие процессы ДМ и РМ, – диаметрально противоположные:

А) Процесс ДМ обусловлен действием тенденции к произвольности языкового знака, так как слово в конечном итоге может утрачивать способность к актуализации мотивационных отношений. Процесс РМ, наоборот, подчинен действию тенденции к мотивированности языкового знака.

Б) Различны результаты процессов ДМ и РМ слов. Следствие ДМ – распад словообразовательных гнезд, изоляция лексической единицы в сфере этимологически родственных слов. Результатом процесса РМ является установление ранее не существовавших отношений между гетерогенными единицами, видоизменение звуковой оболочки слова.

В) В область ДМ входит исключительно исконно-русская лексика. Заимствованные языковые единицы не участвуют в процессе утраты мотивированности, поскольку в русском языке они изначально не мотивированы и поэтому не имеют ВФ. Процесс же РМ чаще всего происходит на базе заимствованной лек-

сики, стремящейся обрести мотивированность, реже - исконной, утратившей былую мотивированность.

Г) Не являются тождественными факторы, способствующие протеканию того и другого процесса. К ДМ слов приводят изменения генетического плана вкупе с экстралингвистическими причинами. Процесс РМ обусловлен единством паронимического и семантического сближения языковых единиц.

Подобная противопоставленность рассматриваемых явлений помогает понять особенности взаимозависимости процессов ДМ и РМ. Как отмечалось выше, утрата мотивированности обуславливает разрыв смысловой связи между словами одного словообразовательного гнезда. Лексическая единица, претерпев процесс ДМ, становится обособленной в ряду однокоренных слов. Вместе с тем у нее появляются благоприятные условия для формирования новых мотивационных связей, что ведет к процессу РМ. Так, ДМ готовит почву для процесса РМ, являясь его предпосылкой. ДМ и РМ, обладая контрастными характеристиками, находятся в причинно-следственной связи друг с другом. «Действие процесса РМ начинается тогда, когда заканчивается действие процесса ДМ» [Курышева М.В., 1989, 41].

Обратимся к примерам. Демотивированное слово *токарь*, производное от др.рус. глагола *текти* «течь» (о стружке), в сознании носителей языка обрело новую мотивацию. Его стали связывать со словом *ток*: "*Токарь в работе использует электричество, ток*". Слово *приятель*, от исчезнувшего глагола *прияти* «любить, заботиться», установило ремотивационную связь с прилаг. *приятный*: «*Приятель - человек, с которым приятно общаться, дружить*».

Итак, явление ДМ слов настолько связано с явлением РМ, насколько противопоставлено ему. «Мотивированность и условность, хотя и противостоят друг другу, имеют общую цель, которую достигают разными путями: через сохранение возможности восстановить эту связь (связь звучания и значения — И.К.) в любой момент (сфера, вытекающая из рационального и тяготеющая к нему) и через деактуализацию связи (сфера, тяготеющая к чувственному, непроизвольному, автоматическому)» [Голев Н.Д., 1989, 24].

§ 2.2. Демотивация и опрощение

Несмотря на существование нескольких определений термина «опрощение»⁴, в лингвистике под данным термином традиционно понимается такое языковое изменение, которое связано с утратой словом его членимости вследствие стирания морфологических границ между его компонентами. Проблемы опрощения достаточно полно представлены в трудах Н.В. Крушевского (1879, 1881), В.А. Богородицкого (1935, 1939), Н.Н. Амосовой (1955), Н.М. Шанского (1966, 1968), О.Е. Ольшанского (1971, 1976), Т.В. Поповой (1989), Э.А. Балалыкиной (1996), Л.Г. Долженковой (2000) и др. Нередко вопросы изменения структуры слова встречаются в работах по проблемам деэтимологизации слов. Опрощение регулярно связывается с демотивацией, однако чётких логически выверенных отношений между ними не установлено. Языковеды единодушно ассоциируют данные лингвистические явления с диахронической стороной изучения языка. Безусловно, объединяющим началом названных процессов могут являться причины, вызывающие их действие. К числу наиболее важных исследователи относят фонетические изменения и семантические преобразования, происходящие между исконным мотивирующим и мотивированным словом. Также могут быть совпавшими и результаты процессов демотивации и опрощения – следствием их действия служит появление в языке немотивированных лексических единиц. Однако эти процессы нельзя квалифицировать как тождественные.

Анализ литературы по данному вопросу показал неоднородность понимания роли опрощения в процессах утраты словом его внутренней формы. Спорным моментом до сих пор остаётся вопрос – что первично – ДМ предшествует опрощению или процесс утраты ВФС является следствием опрощения? И во-

⁴ «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово с его морфологическим составом утрачивает значение своих морфологических частей и становится простым смыслом данного представления» [Богородицкий В.В., 1935, 99]. «Опрощение есть такое морфологическое изменение в составе слова, в результате которого слово, имеющее генетически сложный состав, по нормам данного языка теряет способность быть разложимым на значимые морфемы» [Амосова Н.Н., 1955]. «Под опрощением понимается такое изменение в морфологической структуре слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится производной и нечленимой» [Шанский Н.М., 1968].

обще, правомерно ли искать между этими процессами причинно-следственные связи? Так, С.С. Маслова-Лашанская, В.Ф. Житников считают, что процессу ДЭ способствуют морфологические изменения, превращение словообразовательной морфемы, участвовавшей в образовании слова, в непроемный, мёртвый элемент [Маслова-Лашанская С.С., 1958, 36; Житников В.В., 2001, 12]. Такие исследователи, как И.С. Торопцев, О.Е. Ольшанский, Т.В. Попова, Э.А. Балалыкина, видят в опрощении конечную стадию забвения ВФС.

Действительно, многие слова, утратившие в современном языке свойство мотивированности, являются одновременно и опрощенными, т.е. имеют нечленимую основу:

Масло – ранее мас/л/о – от гл. *мазать* + суф. -л-;

Щавель – ранее щав/ель – от *щавый* «кислый» + суф. -ель-;

Опара – ранее о/пар/а – от гл. *парить* + прист. о-;

Насекомое – ранее на/сек/ом/ое – от гл. *сечь* + прист. на-;

Полог – по/лог – от гл. *ложить* + прист. по-;

Челюсть – чел/усть – от сущ. *чело* + *уста*.

Опрощение, будучи ярким проявлением языковых изменений, не может возникнуть само по себе. Для его осуществления слову необходимо (помимо указанных причин), как нам кажется, пережить период, когда составные элементы структуры лексической единицы перестанут осознаваться языковым коллективом. Их деактуализация на мотивационном уровне перерастёт в деактуализацию семантическую и словообразовательную, что и породит в конечном итоге опрощение морфологических единиц. Нельзя исключать и вероятность одновременного возникновения процессов ДМ и опрощения. Однако не стоит прямолинейно выводить причинно-следственные связи, т.к. влияние данных процессов друг на друга очень зыбко. Можно вести речь лишь об определённых закономерностях в их протекании.

Несмотря на явную взаимозависимость процессов демотивации и опрощения, нельзя допускать смешения данных понятий, которое встречается в лингвистических исследованиях. Нетрадиционное освещение проблематики опро-

щения находим в кандидатской диссертации Л.Г. Долженковой «Опущение отглагольных субстантивов: структурно-семантическое измерение». Автор считает, что «опущение в семантическом измерении представляет собой системное изменение внутри- межсловного характера. Механизм данного изменения в самом общем виде может быть определён как структурно-семантическая реализация демотивации, как забвение внутренней формы слова» [Долженкова Л.Г., 2000, 81]. Данное утверждение, на наш взгляд, небесспорно. Кроме того, широко используемый Л.Г. Долженковой термин «демотивация» не имеет чёткого определения. О демотивации говорится в номинативном аспекте и системно-языковом аспекте, причём в отношении последнего ссыла на утрату ощущения носителем языка формально-ассоциативных связей слова с другими членами словаря не совсем убедительна по причине того, что в исследовании не учитывается роль языкового сознания говорящего коллектива.

Рассматривая вопрос о границах ДМ и опущения в мотивологическом ключе, нужно отметить, что данные процессы не всегда сопровождают друг друга. Существуют лексические единицы, которые, утратив соотносимость с производящим (т.е. пережив процесс ДЭ) и являясь с синхронной точки зрения нечленимыми, нельзя квалифицировать как демотивированные. Так, в современном языке будут опущенными, но останутся при этом мотивированными существительные:

Подушка: «Подушку кладут под ухо» [36/51]; лексический мотиватор – *ухо* (в связи с ремотивацией); изнач. – от гл. дуть, букв. «надутая».

Косынка: «Косынку женщины повязывают на косы, т.е. на голову» [20/50]; лексический мотиватор – *коса*; структурный – шапКА, кепКА, панамКА; изнач. – от прил. *косой*, букв. «наискось срезанный полный платок».

Требуха: структурный мотиватор – потроХА, труХА.

Вилок: структурный мотиватор – початОК, стрючОК.

Перепонка: структурный мотиватор – ПЕРЕГородКА, плёнКА.

Прапорщик: структурный мотиватор – часовЩИК, облицовЩИК.

С другой стороны, утрата мотивационных связей ещё не означает изменений в морфемном составе слова. Слова *иждивенец*, *мошенник*, *туняедец*, *соперник*, *господин*, *преемник* и ряд других с точки зрения языкового сознания говорящих являются лексически демотивированными, но, с позиций морфемного анализа, названные существительные не обладают опрощенной основой, что подтверждают данные словообразовательного словаря русского языка А.Н. Тихонова. Отсюда следует одно из отличий анализируемых явлений: характер ДМ строится на обязательном участии языкового сознания носителей языка, которое актуализирует отсутствие осознания рациональной связи между звучанием и значением, в то время как опрощение не предполагает опоры на данный лингвистический источник.

«Опрощение и демотивация – явления разных уровней понятийной иерархии. Опрощение – одна из возможных проекций общезыкового универсального процесса демотивации. К тому же, на первый взгляд, это процессы разных ярусов языковой системы: опрощение связано с интеграцией структурных элементов слова, а потому процесс словообразования, демотивация связана с разрывом семантических связей, а потому процесс лексический» [Долженкова Л.Г., 2000, 56]. Из всего сказанного можно заключить, что при разграничении понятий «демотивация» и «опрощение» нужно исходить из того, что характер данных языковых явлений определяется их отношением к различным, не зависящим друг от друга областям языкознания – мотивологии и морфологии. Следовательно, суть ДМ можно свести к утрате словом мотивированности, а сущность опрощения – к утрате производности, которая обнаруживается уже не в мотивационной сфере, а на морфемном уровне.

Практические задания к § 2

Задание № 1. Как вы считаете, чем мотивированы слова *баранка*, *жмуриться*, *мочалка*, *дурман*, *смиранный*, *свидетель*, *волокно*? Запишите ваш мотиватор и

спросите у знакомых, как они объясняют данное наименование. Проверьте по этимологическим словарям.

Задание № 2. Можно ли в современном русском языке установить мотивационные отношения данных лексических единиц с другими словами: *колика, мохер, кружка, тент, камин, изумруд, норка (животное), рубанок, гладиолус*? Выясните по словарям, истинные эти связи или нет.

Задание № 3. Укажите, какие из перечисленных слов подверглись действию процесса ремотивации слов? Докажите свою точку зрения.

1. мизинец	6. знамя
2. русалка	7. плечо
3. рубеж	8. оплеуха
4. блин	9. чёрт
5. лебеда	10. союз

Задание № 4. В каких словах присутствует непродуктивные «мёртвые» аффиксы? *Супруг, друг, судорога, недоtroга, смычок, бычок, материк, топорик.*

Задание № 5. Установите с помощью этимологического словаря, какие лексические единицы имеют опрощенную основу? *Восток, обман, соратник, упрёк, туловище, чёлка, простыня, телёнок, вельможа, белок, кремль.*

Задание № 6. На основе данных словарей и проведённого психолингвистического эксперимента (опросите окружающих и выясните, как бы они объяснили предложенные наименования) распределите слова по группам: 1) мотивированные; 2) демотивированные; 3) ремотивированные.

Кожа, перила, сапог, букашка, деревня, семья, леший, нёбо, пузырьёк, край, перхоть, колобок, тельняшка, гусли, голова, косынка, иволга, забулдыга, врач, глотка, шиповник.

§ 3. Утрата внутренней формы слова как отражение тенденции к произвольности языкового знака

Со времён Ф. де Соссюра язык рассматривается как знаковая система, в которой главная единица данной системы – словесный знак – обладает свойством материальности. В силу своей материальной природы словесный знак условен по отношению к природе того, что он замещает, а по социальной природе знак обусловлен лингвистической непрерывностью своего употребления, т.е. условность и обусловленность одновременно характеризуют сущность лингвистического знака [Волков А.Г., 1966, 15]. Данное утверждение сводится к классическому лингвистическому тезису: язык – это точка приложения двух разнонаправленных сил: тенденции к мотивированности и тенденции к произвольности. Однако среди учёных, занимающихся изучением природы языкового знака и его мотивированности, решение вопроса о доминирующей роли той или иной тенденции в жизни языка остаётся спорным.

Тенденция к мотивированности, отражая стремление содержания и формы слова к взаимосоответствию, выражается в сохранении связи знака с предметом. «Означающее – это звуковой перевод идеи, означаемое – это мыслительный эквивалент означающего. Такая совмещённая субстанционность означающего и означаемого обеспечивает структурное единство знака» [Бенвенист Э., 1974, 93] и обосновывает утверждение, что «в сознании нет пустых форм, как и нет не получивших названия понятий» [там же, 92]. Мотивированность объясняется системной детерминацией элементов языка: «связь между звуком и значением всегда мотивированна: первоначально чувством, позднее генетическими отношениями данного слова с предшествующими. Именно это создаёт взаимопонимание в процессе общения и обеспечивает преемственность поколений» [Зубкова Л.Г., 1989, 95]. Она, по мнению многих исследователей, для знака очень важна, «потому что улучшает условия его функционирования» [Журавлёв А.П., 1981, 138].

Принцип мотивированности обычно считается в лингвистике ведущим принципом языкового развития, потому как лексическая единица стремится обрести своё место в языковой системе, установить различного рода связи с другими единицами данной системы. Кроме того, учёные аргументируют это тем, что:

а) «в словарном составе значительного числа языков мотивированные слова составляют большую часть лексикона. Таковы, например, русский язык и другие славянские, французский язык, немецкий язык, шведский язык и многие другие» [Блинова О.И., 1984, 11];

б) высокий процент мотивированных слов языка обуславливает постоянную актуализацию мотивационных отношений в речевом потоке. По наблюдениям В.Г. Наумова, в естественной, непринуждённой речи монологического жанра в течение минуты осуществляется в среднем два случая актуализации мотивационных отношений слов, что характеризует отношения мотивации как самый частотный тип актуализированных видов системных отношений: синонимических, антонимических и других. Те же наблюдения получаем при анализе текстов языка художественных произведений, газет, записей народно-разговорной речи [Блинова О.И., 1984, 41];

в) мотивированность способна создавать эмоциональность, экспрессивность, образность лексической единицы. «Слово с живым представлением, - отмечал В.В. Виноградов, - это образное, поэтическое слово» [Виноградов В.В., 1947, 17];

г) мотивированные слова «легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти» [Моисеев А.И., 1963, 126]. А.П. Журавлёв утверждает, что «в том случае, когда значение опирается на материальную форму носителя, оно подсказывается самой этой формой, и запоминание происходит легче и быстрее. В случае произвольного немотивированного значения памяти не на что опереться» [Журавлёв А.П., 1974, 80]. Для наглядности исследователь устанавливает параллель с дорожным знаком, на котором изображена извилистая дорога. Запоминание его, по мнению автора, не представляет трудности,

т.к. форма знака (рисунок) сразу же подсказывает значение. В качестве сравнения приводятся знаки морской флажковой сигнализации, значение которых запомнить гораздо сложнее.

С вопросами билатеральности словесного знака связывается и дискутируется другое свойство языкового знака – его произвольность, которое наряду с мотивированностью составляет необходимое условие семиотического процесса. Тенденцию к произвольности, в отличие от тенденции к мотивированности, исследователи часто квалифицируют как второстепенную, не имеющую активного и целенаправленного характера. Как отмечает А.Г. Антипов, единство внешней и внутренней формы «обусловлено генетически: они (слова – И.К.) образуются во взаимодействии мыслительной и звуковой материи. Поэтому форма как структурированное целое не может не включать в себя базовое отношение между обеими сторонами и по той же причине оно не может быть произвольным» [Антипов А.Г., 2001, 18]. Данная позиция, вероятно, исходит от Б.А. Зильберта, его предшественников и последователей, считающих, что «язык ни в коем отношении не является произвольным. Знаковая система мотивирована системой элементов общественного сознания (концептов), которые детерминированы реальными предметами объективной действительности (денотатами)» [Зильберт Б.А., 1976, 28]. Данные утверждения, на наш взгляд, верны, если рассматривать их относительно проблемы первоначального возникновения слова – является ли оно предметом договорённости или принадлежит природе самой означаемой вещи. В таком случае можно признать, что «чистый знак с его пресловутой условностью и в особенности произвольностью в абсолютном начале дела невозможен» [Аветян Э.Г., 1976, 17].

Но если говорить о дальнейшем функционировании словесного знака, то всё сказанное не следует принимать в качестве непреложной истины и отрицать действие принципа произвольности, хотя бы потому, что в языке существует огромное количество единиц, имеющих противоречие между звучанием и значением или вообще не обладающих каким-либо объяснением связи формы и содержания, которые свидетельствуют о том, что язык в плане мотивированно-

сти не столь гармоничен, как этого бы хотелось. По мере развития языка «прогресс знака оказывается регрессом в области единства звука и значения» [Аветян Э.Г., 1968, 55]. Если регресс заходит достаточно далеко, то появляются основания говорить о произвольности связи звука и значения и об общеизвестном законе асимметрического дуализма (см. Карцевский О.С. «Об асимметричном дуализме лингвистического знака»), который объясняет существование подобных явлений. Суть его, напомним, в том, что «означающее стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак», т.е. собственное означающее [Карцевский О.С., 1965, 89].

Ф. де Соссюр, оформивший данную идею в понятие произвольности, возвёл произвольность в основной семиотический принцип: «Языковой знак произволен... Слово «произвольный» не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим; мы хотим лишь сказать, что означающее не мотивировано по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр Ф., 1977, 101]. Т.е. Ф. де Соссюр определяет в качестве произвольной связь между «понятием» и «акустическим образом» в рамках коллективного сознания, что и считается в современной лингвистике классическим пониманием произвольности (немотивированности) языкового знака.

Если взглянуть шире, то произвольность можно назвать условностью, своего рода «неправильностью», наблюдаемой в той или иной лингвистической сущности, в то время как мотивированность характеризуется «разумностью» и чёткой обоснованностью. В таком случае произвольность в противовес убеждениям Б.А. Зильберта, Л.Г. Зубковой, А.Г. Антипова можно усмотреть в том, что «основным законом его (словесного знака – И.К.) является традиция. Каждое поколение, принимая язык как эстафету от предшествующего поколения, не имеет возможности никакого выбора и также по традиции передаёт его следующему поколению» [Уфимцева А.А., 1977, 23]. Примером такого рода традиции является забытая структурная и семантическая мотивированность в явлениях лексической и лексико-грамматической омонимии, идиоматизации и

лексикализации, в которых наблюдается большое число алогизмов, не объяснимых логикой языковой системы и явлениями объективного мира. Явления такого плана демонстрируют то, что словесный знак хотя бы на уровне формы «эволюционирует очень медленно», при этом механизмы функционирования слов произвольны (самостоятельны), они не подчиняются какому-либо разумному началу, в противном случае развитие языка можно было бы легко просчитать и свести к элементарному алгоритму. Ни отдельный носитель языка, ни вся языковая общность не в силах управлять данными процессами. «Сознательная регламентация человеком языковых законов вообще, словесных в особенности, очень ограничена, она ничтожна по сравнению с их внутривидовой и традиционной предписанностью» [Уфимцева А.А., 1977, 23].

Рассуждая о значимости тенденции к мотивированности или тенденции к произвольности в жизни языка, нельзя подходить к этому вопросу односторонне, ведь именно «диалектическое противодействие этих двух тенденций во многом определяет развитие и функционирование разных видов знаков» [Журавлёв А.П., 1976, 20]. Даже Ф. де Соссюр, назвавший произвольность фундаментальным признаком языка, со временем отступил от категоричности своего высказывания: «Язык является системой <...>. С этой именно стороны он не целиком произволен, и, таким образом, в нём господствует относительная разумность» [Соссюр Ф., 1977, 163]. В итоге своих рассуждений он признаёт произвольность и мотивированность равноправными свойствами языкового знака: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного, но немислимо себе представить и такой язык, где мотивированно было бы всё» [Соссюр Ф., 1977, 165]. Данная точка зрения, высвечивающая диалектический характер взаимосвязи двух тенденций, стала аксиоматичной. В качестве доказательства приведём лишь некоторые из ряда возможных цитат:

С. Ульман: «Ни один язык не является полностью мотивированным или полностью немотивированным. Все языки содержат, по-видимому, как произвольные, так и мотивированные слова в различных пропорциях, которые зави-

сят от ряда факторов – языковых, культурных и социальных» [Ульман С., 1970, 254-255].

А.И. Смирницкий: «Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможно свободное развитие языка. Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе – на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих принципов» [Смирницкий А.И., 1955, 87-88].

А.П. Журавлёв: «Тенденция к мотивированности – есть проявление в мире знаков всеобщей диалектической закономерности – стремления содержания и формы к взаимосоответствию. Но если бы эта тенденция превратилась в жёсткую связь, знаковая система потеряла бы возможность саморазвития» [Журавлёв А.П., 1976, 20].

Возвращаясь к явлению ДМ отметим, что его существование объясняется главным образом признанием действия тенденции к произвольности языкового знака. Однако тенденция к произвольности актуализируется в более конкретных причинах утраты ВФС. Попытки учёных объяснить природу ДМ обычно связываются с выдвиганием следующих причин.

Среди исследователей широко распространено мнение о «необязательности и даже излишности мотивировки и выражающей её морфемной структуры в готовом слове» [Голев Н.Д., 1989, 93]. Ю.С. Маслов, Б.А. Зильберт и др. причину утраты мотивировки обосновывают тем, что внутренняя форма, выполнив свою основную миссию при возникновении лексической единицы, неизбежно приходит к тому, что приобретает «избыточность и даже ненужность с того момента, когда слово становится привычным» [Маслов Ю.С., 1975, 140]. По их мнению, «мотивировка необходима в момент рождения слова», в дальнейшем же слово начинает «жить своей жизнью», становится частотным, общеизвест-

ным, «к нему привыкают, на нём, на его структуре, перестают останавливаться мыслью. Мотивировка как бы «уходит в тень» (почему и становятся возможны катахрезы *розовое бельё*) <...>. Показательно, что самые простые слова (вода, земля, хлеб и т.д.) как раз и принадлежат к немотивированным» [там же, 140].

С.С. Маслова-Лашанская и Л.Р. Зиндер не отрицают мнения о необходимости слова обладать свойством мотивированности, но значимость утраты ВФС находят в том, что она облегчает дальнейшее развитие слова и языка в целом: «Если бы план выражения был однозначно связан с планом содержания и определялся последним, то в каждом знаке мы имели бы неповторимый звуковой комплекс. Это значит, что язык не мог бы выйти из первобытного состояния» [Зиндер Л.Р., 1971, 351], т.е. отсутствие фонетических изменений и сдвига семантических отношений между означающим и означаемым препятствовало бы общей эволюции знака. Этой же точки зрения придерживается А.П. Журавлёв, который утверждает, что степень мотивированности знака должна иметь пределы – «нельзя, чтобы мотивировка стала слишком жёсткой. Потому что слишком жёсткая, абсолютная мотивировка намертво связывает знак с предметом и не оставляет ему свободы для изменения, для развития» [Журавлёв А.П., 1981, 138].

Положительную сторону изучаемого нами явления учёные видят и в том, что оно напрямую связано с мыслительными процессами, на которые оказывает благотворное воздействие. С.А. Пугач пишет: «Наш язык находится в постоянном развитии, и поэтому утрата внутренней формы – объективный и неизбежный процесс смыслового развития слова, отражающий диалектическое взаимодействие языка и мышления. Если бы конкретность первоначального значения постоянно сохранялась, это тормозило бы мышление, не могли бы, в частности, существовать идиомы» типа *сесть в лужу*, *играть в бирюльки*, *водить за нос* и т.п. [Пугач С.А., 1978, 52]. Данный взгляд исходит от А.А. Потебни, высказавшем революционную мысль, что процесс забвения ВФС «усложняет мысль», «сгущает» её и тем самым влияет на развитие умственной деятельности: «если вместе с образованием понятия теряется внутренняя форма, как в большей час-

ти наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль, между его звуком и содержанием не остаётся для осознания говорящего ничего среднего» [Потебня А.А., 1913, 137]. Продолжая эту мысль, добавим, что «отрыв слова от его внутренней формы есть результат развития абстрактного мышления» [Серебренников Б.А., 1977, 169], и «в меру нарастания абстрактно-понятийного мышления первоначальные связи становятся ненужными» [Аветян Э.Г., 1976, 16]. Р.А. Будагов выдвинутый тезис раскрывает на примере: «Если бы человек и в настоящее время связывал существительное *предмет* с понятием «нечто брошенное вперёд», то он не мог бы употреблять данное существительное в таких многообразных значениях и в таких сложных планах, как это делается теперь» [Будагов Р.А., 1965, 82]. Именно развитие абстрактного мышления превращает «предмет» в нечто большее, чем то, что «брошено перед нами» [там же, 82] и в целом формирует в языке категорию лексических единиц, характеризующих отвлечённостью значений.

Ещё одна точка зрения. Необходимость стирания ВФ состоит в том, что она расширяет ассоциативное поле лексической единицы. Как отметил Ш. Балли, «чем мотивированнее обычный знак, тем больше сосредотачивается внимания на его внутреннем строении, вследствие чего уменьшается количество и значение внешних ассоциаций его «ассоциативного поля», <...> чем произвольнее знак <...>, тем многочисленнее отношения, которые он устанавливает за своими пределами для определения своего значения» [Балли Ш., 1955, 151].

Отталкиваясь от подобных умозаключений, исследователи приходят к выводу, что при демотивационных процессах увеличиваются валентные свойства слова: «тенденция внутренней формы к стиранию <...> облегчает использование слова во всё новых сочетаниях» [Маслова-Лашанская С.С., 1958, 34]. На то, что мотивированность накладывает ограничения на употребление слова, обратил внимание В.Г. Гак. Он проиллюстрировал это следующим образом: «Русское слово *пол* – немотивированно. Любую поверхность, будет ли она сделана из дерева, земли, камня и т.д., можно назвать полом. Французское *plancher* – мотивировано, оно означает соединение досок (*planches*). Это только деревян-

ный пол, каменный имеет особое наименование – *dallage* [Гак В.Г., 1966, 21]. Как видим, отсутствие мотивации в русском слове *пол* позволяет употреблять сочетания *деревянный пол, каменный пол, земляной пол, мраморный пол, стеклянный пол* и т.п., в то время как его французский аналог не допускает такой сочетаемости. Ещё один пример. Если сравним существительное *ветер*, в котором утрачена ВФ, с различными наименованиями ветров в диалектной речи (см. «Словарь ветров» под ред. Л.З. Проха), такими как *южак* (тёплый южный ветер), *северяк* (северный холодный ветер), *суховей* (сухой, горячий ветер), *моряна* (морской влажный ветер), *полудёнка* (полуденный ветер), имеющими явную мотивацию, то увидим, что литературное слово *ветер* может сочетаться со множеством прилагательных: *южный, северный, восточный, западный, морской, сухой, полуденный, ночной* и т.п., тогда как мотивированность диалектных названий ветров ограничивает их сочетаемость, и выражения *северный южак* или *ночная полудёнка* являются недопустимыми. Таким образом, «немотивированные слова имеют более широкую лексическую сочетаемость, чем их мотивированные соответствия» [Блинова О.И., 1984, 106].

Позитивность утраты ВФС учёные усматривают в том, что она способствует оптимизации общения. С этим утверждением, безусловно, можно поспорить, однако, следует согласиться с тем, что в повседневных речевых актах создаются условия для символического выражения понятия и исчезает излишняя необходимость бесконечно разъяснять содержание мысли, а это уменьшает время передачи информации и влияет на эффективность коммуникации. Ведь «на прояснении слова понятием мы останавливаемся только тогда, когда особенно им заинтересованы, обыкновенно же ограничиваемся одним только словом» [Гумбольдт В., 1984, 117]. «Задачи коммуникативного акта как бы отодвигают на второй план мотивировку, делают её факультативной» [Михалёва Е.В., 1994, 87].

Действительно, в повседневной жизни носители языка, привычно оперируя словами, по большей части обходятся без «внутреннего образа» лексических единиц, и «даже самая очевидная внутренняя форма игнорируется в обыденном

употреблении» [Бибихин В.В., 1978, 56]. Воспринимая и произнося слова, мы не акцентируем внимание на их материальной форме, а наоборот, форма словесного знака в нашем сознании неразрывно связана с содержанием как единое целое, вероятно, потому, «что мы так с ним (языком – И.К.) свыклись, мы редко обращаем на него внимание, принимая его, подобно дыханию или ходьбе, за нечто само собой разумеющееся» [Блумфильд Л., 1968, 17].

По этому поводу существует предположение, что сохранение или утрата ВФС зависит от частоты употребления лексических единиц. Н.Д. Голев отмечает такую особенность – «по мере роста употребительности слова говорящими элементы создания уступают место целостному воспроизведению слова, и внутренняя форма как функциональная категория утрачивается» [Голев Н.Д., 1977, 15]. Безусловно, если рассматривать мотивированность слов с функциональной стороны, то можно заметить, что в повседневной речи использование элементов языка происходит автоматически, человек свободно пользуется языком, как чем-то «само собой разумеющимся». «Звуковая оболочка и значение слова в обычном его употреблении связаны столь тесно, что составные элементы его латеральной структуры «обыкновенно не замечаются» [Голев Н.Д., 1989, 23], поэтому правомерно заключить, что слово становится условным знаком в нашем сознании на линии коммуникации. У таких существительных, как *лапоть, вилка, ведомость, авоська, одеяло, очки, печень, нёбо, вторник* и т.п., ВФ в процессах коммуникации вряд ли когда-либо актуализируется, хотя вне речи эта актуализация вполне возможна. В подобных единицах «между словом и денотатом, звуковой оболочкой и значением образуется непосредственная, сугубо знаковая связь» [Голев Н.Д., 1972, 40], которая, однако, может «раствориться» при определённых условиях. Например, мотивационные отношения, которые до какой-то поры были как бы законсервированы, восстанавливаются при непосредственных разысканиях этимологии слова, при создании каламбуров или речевой игры. ВФ «может быть подхвачена и оживлена художником слова для поэтической выразительности и стилового колорита» [Абаев В.И., 1948, 19].

Таким образом, на объяснение процесса утраты внутренней формы слова можно смотреть как с гносеологической точки зрения, так и исходить из понимания ДМ как коммуникативно значимого явления, характеризующегося деактуализацией мотивировочного признака для конкретного речевого акта.

Подводя итоги, следует сказать, что характеризуя затемнение внутреннего образа слова как лингвистическое явление, не следует выдвигать в качестве доминирующей одну из множества проанализированных интерпретаций природы демотивационных отношений, ведь утрата ВФС, как мы убедились, «является не столь однозначным процессом, ни со стороны причин, ни со стороны следствий» [Голев Н.Д., 1989, 97]. Лишь соединение всех рассмотренных точек зрения вскрывает истинную суть ДМ и проясняет причины рождения данного языкового феномена.

Важно подчеркнуть, что утрата мотивационных отношений не является для слова патологией, вызывающей регрессивное начало. Это, как мы убедились, вполне естественный процесс, способствующий полноценному развитию языка. ДМ играет немаловажную роль в становлении знаковой системы, и немотивированные единицы как результат действия названного процесса представляются такими же полноправными знаками этой системы, как и единицы с живой внутренней формой. И те и другие имеют свои преимущества и недостатки, при этом их сосуществование в языке не приводит к хаосу и случайным результатам. Главное, что «мотивировка и демотивация сливаются в единый процесс, организуемый борьбой тенденций к мотивированности и немотивированности. <...> Это своеобразный пучок процессов, объединённых общим направлением, имманентной целью» [Голев Н.Д., 1989, 96] и эта цель – «обеспечить наибольшую эффективность функционирования каждого элемента языка» [Журавлёв А.П., 1976, 24-25].

§ 4. Лингвистические факторы демотивации

Язык, существуя и развиваясь во времени, не «может представлять собой мёртвое пассивное орудие, готовую застывшую массу» [Гумбольдт Ф., 1984, 82], он, непрерывно преобразуется «в ответ на всякий духовный сдвиг, поэтому в языке, как в непрестанном горении человеческой мысли, не может быть ни минуты покоя» [там же, 158]. Изменение является одной из форм существования языка, который постоянно стремится к совершенствованию. Анализ различного рода языковых изменений связывается с понятием «динамика», которая предполагает в первую очередь исследование комплекса причин, вызывающих модификации в его составе и структуре.

Преобразования в языковой среде могут быть вызваны, во-первых, противоречиями внутри системы, во-вторых, обусловлены изменениями во внеязыковой действительности, т.е. они могут быть внутренними и внешними, т.к. «язык представляет двоякую зависимость своей эволюции – от среды, в которой он существует, с одной стороны, и от внутреннего механизма и устройства, с другой» [Общее языкознание, 1970, 198]. Отсюда причины, вызывающие утрату ВФС, представлены двумя типами – лингвистические и экстралингвистические.

Экстралингвистические причины ДМ – это изменения, происходящие вне языковой системы, в материальной или духовной культуре народа, в его менталитете. Здесь предполагается активное участие носителя языка – человека (более подробно об этом см. на стр. 47).

Лингвистические причины ДМ связаны с изменениями в том или ином участке языковой системы: в фонетике, лексике, грамматике и т.п. Они совершаются по законам природы языка, обусловлены ходом его развития и приводят к качественной трансформации языкового знака, например, к видоизменению его морфемной структуры, фонетического облика, парадигматических отношений и т.п.

В числе собственно лингвистических факторов, способствующих возникновению процесса ДМ, традиционно выделяются три вида преобразований: 1) фонетические; 2) словообразовательные; 3) семантические.

Дискуссионным при этом остаётся вопрос – какие преобразования в слове (фонетические или семантические) оказывают решающее воздействие на формирование в языке демотиватов? Так, Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.Н. Крушевский, В.А. Богородицкий, В.В. Иванов, Т.Г. Аркадьева считают более активными в этом процессе фонетические изменения. По мнению Т.Г. Аркадьевой, «внешние модификации, нарушая равновесие между звучанием и значением, подавляют мотивационные связи слов в этимологическом гнезде, что порождает новые семантические признаки слов, определяя их переход в разряд этимонимов» [Аркадьева Т.Г., 1990, 12]. В.И. Абаев, А.П. Журавлёв, Н.А. Исаева отстаивают противоположную точку зрения – центральное место в системе факторов утраты ВФ занимают семантические сдвиги. Фонетические изменения, по мнению учёных, не имеют самостоятельного и системного характера, а лишь сопровождают семантические преобразования. Так, В.И. Абаев доказывает, что в характере всех звуковых процессов содержится семантическая основа. Придерживаясь коммуникативного взгляда на интерпретацию демотивационных процессов, он утверждает: «Ослабление реальной стороны слова влечёт за собой небрежное отношение говорящих к звуковой реализации речевых актов и создаёт предпосылки для фонетического ослабления и перерождения» [Абаев В.И., 1934, 35].

Однако не следует забывать, что процесс ДМ может быть вызван совокупностью условий разного уровня. Воздействие множества факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических, составляя достаточно тесное переплетение, приводит к тому, что из-за «многих линий квалификация состояния мотивированности в каждой конкретной лексической единице представляет сложную задачу» [Голев Н.Д., 1989, 98]. Поэтому можно говорить лишь о решающей роли того или иного фактора в изменении слова, не приписывая ему абсолютного влияния на деэтимологизацию слова. Терминологическое деление на понятия «лингвистические изменения», «экстралингвистические изменения», «фонетические причины», «семантические причины» и т.п. имеет некую условность и используется традиционно для удобства изложения материала,

поскольку объективно в языке отделить их друг от друга во многих случаях затруднительно.

§ 5. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере фонетических процессов.

Как известно, «звуки не могут изменяться по прихоти: они могут варьировать в различных фазах языковой традиции, но это происходит в определённых пределах и с известным единообразием в соответствии с тем, что мы называем «фонетическими законами» [Пизани В., 2001, 84]. С этой стороны, явление ДМ вызвано не случайными звуковыми изменениями, а рядом закономерных фонетических процессов, имевших место в историческом прошлом русского языка, которые и привели к деформации внешней оболочки слова, а отсюда и к утрате ВФ. Однако признаем, что не всегда звуковые изменения, вызывающие и поддерживающие процесс ДМ, однородны и системны. Наблюдаются случаи спорадических модификаций внешней оболочки в отдельно взятых словах. Но независимо от особенностей деформаций звукового состава слова (распространённости или нераспространённости в языке) их необходимо рассматривать как явления в фонетической подсистеме языка, обуславливающие разрыв мотивационных отношений и способные создавать базу для наполнения различным содержанием различных звуковых комплексов.

Благоприятными условиями для осуществления процесса ДМ в то или иное время явились: количественные различия гласных звуков и преобразование чередований, сложившихся на их основе; утрата дифтонгов; изменения, связанные с преобразованием сочетаний гласных с плавными; палатализация согласных; изменения, вызванные падением редуцированных.

Анализ материала позволяет говорить, что разрушение мотивационных отношений между словами обусловлено более конкретными фонетическими причинами.

1. Чередование гласных (перегласовка) – это закономерная мена гласных звуков в словах одного и того же корня (в пределах одной морфемы).

Е (Ь) // О: *воля – велеть; гроб – грести; дозор – зреть (зѣрѣть) «смотреть»; доля – делить; дробь – дребезги; опора – переть; осока – сечь; плот – плести.*

О // А: *лопасть – лапа; край – кроить; облава – ловить; пласт, плащ – плоский; полынь – палить.*

У // Ы: *бык – букашка; воздух – дышать; глыба – глубокий; душа – дыхание; дым, дыня – дуть;*

Ъ (перешедшего в О) // Ы: *выдра – вода; выпь – вопить; замок – мыкаться; клык – колоть.*

Ъ (из долгого Ē) // А (из долгого Ō): *образ – резать, разить; смрад – смердеть «издавать запах»; удар – деру, раздор.*

Е (из ĥ) // ОĪ: *рой – реять; дева – доить.*

ОŪ (перешедшего в ОВ) // Ы: *кровь (*krou), сокровище – крыть; шов – шить.*

ОŪ (перешедшего в ОВ) // У: *кузнец – ковать.*

ЕŪ (перешедшего в ЕВ): *клюв – клевать.*

И // Ъ (ОĪ): *война – вина; бой – бить; обои – обить; покой – почитать; слой – слить.*

О // ноль звука: *забор – брать; задор – драть; клоч, клык – колоть; нож, заноза – вонзить; узор – узреть.*

И // Ъ: *пёс – пестрить, писать; перекрёсток – крест, Христос; смерть – мёртвый, смирный.*

Е (Ь) // И: *беседа – сидеть; веник, ветвь – вить; вес – висеть; лепесток – липнуть.*

2. Нарушение в системе чередования гласных и дифтонгических сочетаний с носовыми согласными. *Вензель – вязать, узда; груздь – грязь; грядка – груда; досуг – досягать; закорючка, звук – звенеть хряц – хрустеть.*

3. Альтернатива согласных.

Ж (g) // Г: *берлога – ложить; ляжка – лягать; нега – нежный; ожерелье – горло.*

Ж (zj) // З: *грыжа – грызть; кожа – коза; лыжи – улизнуть.*

Ж (dj) // Д: *рожа – родить; пряжа – прядь; руда – рыжи;.*

ЖД // Д: *гражданин – город; надежда – надеть.*

К // Ч: *зрачок – зыркать; ключ – клюка; кудесник – чудо; моча – мокрая; мочка, перемычка – смыкаться.*

К // Х: *соха – сук; сук – сухой.*

К // Ц: *лицо – лик; отрок – отрицать.*

Ч (tj) // Т: *плечо – плеть; перчатка – перст; свеча – светить.*

Ч // Ц: *овчина – овца; спичка – спица.*

Ч // Х: *ветчина – ветхий.*

Ш (sj) // С: *вишня – висеть; пошлаина – послать; чешуя – чесать.*

Ш // Х: *воздух – дышать; душа – дух; лишай – лихой; подушка – дух.*

Щ (stj) // СТ: *завещание – весть; кощунство – кость, пакость.*

4. Упрощение группы согласных в результате падения редуцированных. Устранение звука либо сочетаний звуков, нарушающих гармонию в слове, вызвано стремлением освободиться от громоздкого сочетания согласных, неудобного для произношения. Данное явление обусловлено характерными для языка тенденциями к благозвучности и экономии речевых усилий.

На стыке приставки и корня:

Обоз – восх. к объвозъ «ряд возов» (от обвозить); -в- утратился.

Обоняние – от гл. вонять «издавать запах» + прист. об-; -в- утратился.

Обычай – от гл. обвыкать «привыкать»; -в- утратился.

На стыке корня и суффикса:

Весло – восходит к везсло (от корня -вес- (гл. везти) + суффикс -сл-); зсл → сл.

Спица – восходит к стъпица (от сущ. стъпа «кол, палка» + суфф. -иц-); стп → сп.

Шило – исх. *шишло* (от гл. *шить* + суфф. -дл-); дл → л. Аналогичным образом произошло упрощение групп согласных в сущ. *жало, горло, мыло, сало, рыло* и др.

В корне:

Кочегар – исх. *кочергар* (от *кочерга*); *рг* упростилось в *г*.

Хорь – восх. к *дъхорь* (от гл. *дъхнути* «дыхнуть, издать неприятный запах»); *дх* → *х*.

5. Ассимиляция (уподобление) – влияние одного звука на другой, в результате которого звуки становятся одинаковыми либо приобретают общие черты.

Оглушение: *Пчела* – восх. к *бъчела* (от гл. *бучать* «издавать характерный звук»); звонкий -б- перед глухим -ч- превратился в -п-, т.е. приобрёл сходные со звуком -ч- черты (глухость).

Чечевица – восх. к *сочевица* (от сущ. *сок*); *со* → *че*; звук -с- полностью уподобился звуку -ч-.

Озвончение: *Свадьба* – восх. к *сватьба* (от гл. *сватать*); звук -т- перед звонким -б- стал звонким -д-.

6. Диссимиляция (расподобление) – явление, противоположное по направленности и результатам процессу ассимиляции.

Верста – от гл. *вертеть* + суфф. -т-; *тт* → *ст*.

Кисть – от сущ. *кыть* «пучок, ветвь» + суфф. -т-; *тт* → *ст*.

Невеста – от гл. *не ведать* + суфф. -т-; *дт* → *тт* → *ст*.

7. Метатеза – явление перестановки звуков внутри слова.

Стержень – исх. *стрежень*; *ре* → *ер*; старшее знач. «сгусток гноя в нарыве» → «внутренняя часть дерева» → «серединная часть чего-либо».

Сыворотка – восх. к *сыроватка* (от исчезнувшего *сыровать* «содержащий сгустки свернувшегося молока, т.е. сыра»); *ров* → *вор*.

Щеколда – старш. форма *щелкода* (от гл. *щёлкать*); *лко* → *кол*.

8. Звуковые изменения в начале существительных.

Утрата начальных звуков:

Недра – от прист. *-вън-* «в» + *ѣдра* (В.п. мн.ч. сущ. *ядро*); букв. «в ядре, в глубине».

Уха – от **jucha* «суп» (ср. диал. и укр. *юшка* «навар, похлёбка»).

Юла – восх. к *вьюла* (от гл. *вью*, *вить*).

Нарращение начального звука:

Гусеница – восх. к **ѡсень* «волосатый» + начальный *-г-*.

Нутро – от **ѡтръ* «внутри» (ср. *утроба*, *недра*).

9. Утрата -j- между гласными и последующее их стяжение.

Барин – соотносимо с *боярин* (из **bojarin*); *боарин* → *баарин* → *барин*.

10. Гаплогогия – явление, при котором один из одинаково звучащих слогов выпадает.

Будни – исх. *будньднь* (от кр. прил. *буднь* (от *будить*) + *днь* «день»); *-днь-* отпал.

Шиворот – первонач. *шивоворотъ* (от сущ. *шив* «шея» + *воротъ* (от *вертеть*); *вово* → *во*.

11. Вокализация сонорных – появление перед сонорными гласного звука (о или е) для устранения групп согласных.

Веретено – восх. к *вертено* (от гл. *вертеть*); *рт* → *рет*.

Ветер – исх. *ветръ* (от гл. *вее*); *тр* → *тер*.

Стебель – исх. *стъбль* (**stьblь* «ствол» (от **sta* «стоять» + суфф. *-л-*); *бл* → *бел*).

12. Лабиализация предударного О перед различными ударными гласными вне зависимости от качества соседних согласных.

Кувалда – восх. к *ковалда* (от сущ. *коваль* «кузнец», рдств. с *ковать*).

Кулебяка – от *колобяка* (от сущ. *колоб* «круглый хлебец»).

13. Перенос ударения на префикс.

Бездна – прист. *без-* + *дѣна* «дно».

Обух – прист. *об-* + *ухо*.

Отруби – прист. *от-* + *рубѣти* «отрубить».

Хотя данная причина ДМ не является основной в утрате словом его ВФ, она всё же влияет на разрыв мотивационных отношений, усугубляя действие названного процесса. Изменение места ударения, как правило, способствует возникновению лексических единиц со средней и низкой степенью ДМ.

14. Аканье – совпадение звуков О и А в предударном слоге в одном звуке А. В результате такого произношения в орфографии возник и закрепился «незаконный» звук А.

Баян – восх. к имени др.русс. поэта Бояна.

Забота – от гл. *зобати* «хватать ртом пищу» (ср. *зоб*) - первоначально о птицах). Далее значение расширилось: «то, что съедает человека» → «хлопоты» → «попечение».

Калач – исх. *колачь* (от сущ. *коло* «круг»).

Чаще всего процессу утраты мотивированности способствует не одна, а комплекс причин фонетического характера, что, к примеру, наблюдаем в таких словах, как:

Вобла – из **obvylь* (прист. *ob-* + **vyl* «валить, вал»); первонач. значение «круглая, как бы обкатанная», рыба получила название по округлой форме. Причины ДМ: в результате падения редуцированных в исх. слове *обвла* произошло упрощение группы согласных *бвл* → *бл* и наращение начального звука -*в*-.

Дятел – исх. **dъnbtylь* (от **dъlbti* «долбить» + суфф. *-yl-*). Причины ДМ: *ь//ъ//о*; *en(ъ)* → *ja(я)*; в результате упрощения группы согласных *lbt* исчезают звуки *lb*.

Пасть (сущ.) – исх. *падть* (от гл. *падать* + предметный суффикс *-ть-* (как *горсть*). Причины ДМ: первоначально произошла ассимиляция (звук -*д-* уподобился по глухости *-т-*, *падть* → *патть*), затем возникла диссимиляция (*mt* → *ст*).

Практические задания к § 5

Задание № 1. Определите, чем обусловлена утрата мотивационных отношений между словами: *доля – делить, обморок – меркнуть, опора – переть, степень – стопа, смородина – смердеть.*

Задание № 2. Распределите предложенные пары слов на группы:

1) слова, в которых утрата мотивационных связей вызвана чередованием гласных О//А;

2) слова, в которых утрата мотивационных связей вызвана чередованием гласных У//Ы;

3) слова, в которых утрата мотивационных связей вызвана чередованием гласных Е (Ь)//И.

Потеха – тихий, раб – робеть, слава – слово, конура – нырять, сито – сеять, пескарь – писк, плуг – плыть, рухлядь – рыхлый, слизь – слеза, стан – стоять, рыба – рубить, шурин – шить, хлам – ломать, щепка – щепать.

Задание № 3. Определите, чередованием каких гласных в однокоренных словах обусловлена демотивация данных существительных.

Клык, нора, рот, рохля, удар, образ, дева, бой, слой, пёс, смерть.

Задание № 4. Из предложенных вариантов выберите те, в которых чередование о//ноль звука послужило причиной ослабления мотивационных отношений между словами:

1. вензель – вязать

2. забор – забрать

3. запятая – путы

4. заноза – вонзить

5. звук – звенеть

6. клок – колоть

7. корень – коряга

8. узор – узреть

Задание № 5. Определите, какие чередования согласных в корне явились причиной ослабления родственных связей между словами.

Печать – пекут, пороша – порох, роца – расти, скважина – сквозить, слог – ложиться, смычок – сомкнуть, стужа – студить, точка – тыкать, угорь – уж, челядь – колени, чаща – частый.

Задание № 6. Определите причину утраты внутренней формы слова в данных существительных.

Переми́чка, порше́нь, прово́лока, пружина́, решето́, сажá, смерч, уж, успех, хвощ.

Задание № 7. Выясните этимологию данных лексических единиц: *Горло, жало, долото, мыс, обида, облако, прореха.*

Определите, какие звуки исчезли из звукового состава слова в результате упрощения групп согласных. Рассуждайте по образцу:

Гусли – исходно *гудсли* (от гл. *гудеть* + суфф. -слъ-); дсл → сл.

Задание № 8. Реконструируйте первичный мотиватор в данных словах и установите причину их демотивации. *Весть, власть, коромысло, месть, мост, совесть, страсть, честь.*

Задание № 9. По данным исходным формам восстановите общеупотребительные существительные современного русского языка.

Водлырь, долонь, долыжка, ладьныш, сыроватка, щелкода.

Установите их былые мотивационные связи. Чем вызвана демотивация этих слов?

Задание № 10. Выпишите лексемы, демотивация которых вызвана процессом утраты начальных звуков в слове. *Барин, копейка, скатерть, сударь, сумерки, отруби, ужин, узел, усы, чан.*

Задание № 11. Выберите правильный ответ:

Демотивация, связанная с отражением на письме аканья, наблюдается в словах.

1. калач

2. калитка

3. каравай

4. каракатица

5. карандаш

6. катастрофа

§ 6. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере словообразовательных отношений

Осознание потери мотивационных отношений неотделимо от того, насколько очевидны и узнаваемы составляющие слово морфемы. Поэтому правомерно говорить, что ДМ лексических единиц определяется степенью употребительности тех словообразовательных средств, которые участвовали в создании слова. При этом словообразовательный взгляд на этимологическое состояние лексической единицы следует отличать от морфологического. По мнению Л.И. Шелеповой, «посредством морфологического анализа выявляется морфемный состав слова, совокупность всех, выделяемых в слове, с исторической точки зрения морфем. При словообразовательном анализе необходимо не только выявить и выделить морфемы, но и определить последовательность их присоединения в процессе исторического словопроизводства, способ словообразования» [Шелепова Л.И., 1977, 17].

Итак, опираясь на данные историко-этимологических словарей, можно утверждать, что причины утраты ВФС в ряде случаев заключены в словообразовательной структуре слова и способе его словопроизводства.

1. Одной из значимых причин формирования демотиватов является **наличие в составе слова мёртвого или непродуктивного для современной системы словообразования аффикса**. Если, к примеру, слово *наездник* можно легко поставить в соответствующий ему словообразовательный ряд (*охотник, печник, подводник* и т.п.), который образует в современном языке регулярную модель образования существительных со значением лица, то слово *падчерица* оказывается невозможным рассматривать в плане широких и регулярных соответствий, т.к. в современном языке не распространены подобные образования. Словообразовательная модель с приставкой *на-*, имеющей в данном случае значение «отсутствие прямого родства», по которой образовалось взятое слово (ср. *пасынок*, диал. *паматерь, паотец*), в настоящее время является нерегулярной, тогда как в прошлом она была достаточно актуальна. Существительные *палуба*

(от луб, лубяной), паперть (от переть), пасака (от сечь), паскуда (от скудный), патока (от течь), паук (от сущ. окъ «крючок», паук назван по своим изогнутым лапам) также содержат в своей структуре ныне мёртвый префикс *па-*.

Аналогичный статус имеют приставки: *су-* в словах *сугроб, судорога, суматоха, сумерки, сумрак, супруг, сустав, сутки*;

ка- - ср. одноструктурные единицы *каверза, калека, калякать, кацан*;

ко- - *конура, ковырять, колупать* и др.

В современном русском языке к числу непродуктивных относятся следующие суффиксы имён существительных:

-ах- – *плаха, рубаха, черепаха*;

-б- – *верба, гурьба, свадьба, судьба, труба, утроба*;

-в- – *ботва, буква, булава, гнев, клюква, шов*;

-д- – *грудь, дылда, клад, колода, правда, стадо*; *-дь-* – *жёлудь*;

-ев- – *бечева, кружево, марево*; *-ель-* – *колыбель, обитель, свирель*;

-ен- – *веретено, колено, полено, пилено*;

-ень- – *бивень, перстень, печень, плесень, ремень, степень, ячмень*;

-л- – *опахало, перила, пила, русло, чучело, юла*;

-ль- – *петля, пыль, рубль, сопля, уголь*;

-м- – *ведьма, дерьмо, дым, кромка, паром, ум, ярмо*;

-н- – *блин, будни, весна, вина, вино, судно, цена*;

-нь- – *басня, брань, деревня, дыня, окунь, ругань*;

-ог- – *берлога, острог, пирог, творог*; *-г-* – *дорога, стог, телега*;

-ор- – *костёр, мусор, топор*; *-орь-* – *угорь, хорь*;

-р- – *ведро, пир, ребро*; *-рь-* – *дебри, ноздря*;

-от- – *живот, льгота, работа*; *-оть-* – *коготь, локоть, ломоть, ноготь*;

-т- – *верста, гнёт, долото, жгут, культя, сито*;

-ть- – *весть, власть, горсть, пасть, снасть, трость*;

-уг- – *вьюга, дерюга, кольчуга, плуг*;

-уп- – *скорлупа, халупа*; *-ух-* – *лопух, оплеуха, чепуха, черёмуха*;

-х- – *ольха, переполох, прореха, успех*;

-быль- — *бобыль, ковыль, костыль*; **-ыт-** — *копыто, корыто*.

Таким образом, ДМ наступает тогда, когда исчерпывают себя продуктивные образцы словообразования, которые ранее давали возможность носителю языка осознавать сущность составляющих слово сегментов. «Память» о путях возникновения слова и смысле его звучания, хранившаяся в составляющих слово морфемах, исчезает вместе с отмиранием в языке значимости тех или иных аффиксов. Исторические преобразования затемняют структурные компоненты лексической единицы, и они перестают выделяться. Структура слова в таком случае стирается настолько, что расчленить его на составляющие морфемы становится невозможным. Ранее производная основа оказывается неразложимой, и как следствие прочно закрепляется опрощение морфем и утрата мотивационных связей между словами.

2. Демотивация возникает при **утрате смысловой нагрузки аффиксов и их десемантизации**, если она сопровождается переосмыслением слова в целом и нарушением его членимости. В таком случае демотивированные слова не входят в ряд былых одноструктурных мотиваторов, аффиксы, «прирастая» к корню, входят в единое цельное звуковое образование, вследствие чего затрудняется возможность прояснения ВФС.

К таким десемантизированным морфемам относятся суффиксы *-к-, -ик-, -ок-, -ц(ьц)-*, которые в отдельных лексических единицах утратили уменьшительно-ласкательный характер.

-К- — *байдарка* (от *байдара*), *булавка* (от *булава*), *верёвка* (от *вервь*), *палка* (от *пала*), *сорочка* (от *сорока* «рубаша»), *щепотка* (от *щепоть*) и др.;

-ИК- — *кортик* (от прил. *корт* «короткий»), *мужик* (от *муж*), *пестик* (от *пест*);

-ОК- — *вилок* (от *вил*), *козырёк* (от *козырь*), *колобок* (от *колоб*), *лоток* (от *лот*), *мотылёк* (от *мотыль*), *порошок* (от *порох*), *хохолок* (от *хохол*);

-Ц(Ь(Е)Ц)- — *дворец* (от *двор*), *кольцо* (от *коло*), *крыльцо* (от *крыло*), *ларец* (от *ларь*), *полотенце* (от *полотно*) и др.

В развитии ДМ некоторых слов сыграла роль ДМ и десемантизация суффиксов *-иц(ец)-* и *-ин-*, сохраняющихся в современном русском языке, но уже с иным словообразовательным значением. Ранее суффикс *-ин-* широко использовался при образовании существительных с отвлечённым значением типа *длина, загогулина, зазубрина, кручина, оскомина, пошлаина, пучина, щербина* и др. В современном языке с его помощью чаще всего образуются конкретные существительные, в которых данный суффикс имеет увеличительное значение (*дождина, холодина*), значение единичности предмета (*горошина*), значение мяса животного (*баранина, конина*). Суффикс *-иц-* утратил мотивационное и словообразовательное значение в таких словах, как *вереница, граница, куница, ножницы, пуговица, ресница, спица, улица, чечевица* и др.

3. Предрасположенность лексической единицы к ДМ может быть обусловлена особенностями способа словообразования существительных, хотя здесь не последнюю роль играют причины фонетического и семантического характера. В этом плане необходимо отметить прямую **зависимость ДМ от различного рода сложений**, в первую очередь это касается способа сложения корневых морфем. В сложном слове корневые узлы, на базе которых образовано слово, могут потерять коррелятивные связи, и ясность осознания того, как связаны эти компоненты (как и осознание присутствия самих составляющих компонентов) исчезает. В результате опрощения по форме слова становится невозможно определить исходные основы слова, что и определяет ДМ лексической единицы. Рассмотрим несколько примеров.

Вельможа – сущ. восходит к **vel'moza* «великий муж», образованному сложносуффиксальным способом – путём сложения основы прилагательного *великий* и сущ. *мочь* «мощь, сила». Части корней в результате сложения перестали осознаваться как отдельные элементы слова, сливаясь в единый звуковой образ, что вызвало ДМ и опрощение морфологического состава.

Лихорадка – исконное сложносуффиксальное существительное, производное от основ слов *лихо* «зло» и *радити* «делать». Семантические изменения, произошедшие в базовых словах и вызвавшие ДМ, усугубляются слиянием корневых узлов в единое целое.

Можжевельник – от сущ. *мзга* «гниль» (ср. промозглый) + *ельник*; букв. «растущий в сыром месте и похожий на ель».

Туняедец – сложение др.рус. наречия *втуне* «даром» и сущ. *ядец* «охотник поест» (от гл. *есть*).

В результате сложения корневых элементов произошла ДМ у некоторых имён существительных звукоподражательного характера, входящих в состав различных семантических групп:

- а) названий птиц: *гагара, гоголь, перепел, чечётка*;
- б) имён со значением лица: *баба, дядя, мама, няня, няня, папа*;
- в) имён с абстрактным значением: *глагол* «часть речи, речь»;
- г) названий предметов: *барабан, колокол*.

4. Особо следует сказать о ДМ лексических единиц, образованных путём аббревиации. ВФ аббревиатур представляет собой нечто вроде арифметической суммы мотивационных значений тех единиц, которые являются их составными частями. Она является особым типом ВФ, которая более сложна и своеобразна, нежели в простых словах. Её можно сравнить ещё с одним типом внутренней формы - ВФ фразеологизма (и в том и другом случае речь идёт о свёрнутой синтагматической единице). Вопрос о мотивированности аббревиатур затрагивается в работах таких исследователей, как Д.И. Алексеев, В.Ф. Алтайская, Н.В. Гяч, В.В. Иванов, Р.И. Могилевский, Н.В. Павлов, Е.С. Снитко и др. Учёные считают, что свойство мотивированности проявляется у той части аббревиатур, в деформированных значениях которых сохраняются непосредственно воспринимаемые связи с производящими основами. Это аббревиатуры, состоящие из деформированных морфем, представляющих собой «осколки» корней типа *юннат, Совбез, медстрах, угрозыск* и пр. Буквенные же аббревиатуры, по их мнению, имеют тенденцию к устранению ВФ, вытекающей из специфики аббревиации вообще.

Демотивации в основном подвергаются инициальные слова, состоящие из начальных букв компонентов сложного слова. Это такие аббревиатуры, как: *дот* – дальняя огневая точка; *дзот* – деревоземляная огневая точка; *загс* – за-

пись актов гражданского состояния; *кадет* – конституционный демократ; *эсэр* – социалист-революционер (по звучанию начальных букв *с* «эс» и *р* «эр»); *МИГ* (самолёт) – Микоян и Гуревич; *ТУ* (самолёт) – Туполев, *ЗИЛ* (автомобиль) – завод имени Лихачёва.

Безусловно, не все буквенные аббревиатуры являются для носителей языка немотивированными. В языковом сознании говорящих сохраняется информация о происхождении некоторых сложносокращённых слов и их мотивация. Это касается аббревиатур *бомж*, *вуз*, *нэп*, *ТЭЦ*, *АЭС*, *КАМАЗ*, *ТЮЗ* и др. Объяснить подобное явление, вероятно, можно тем, что аббревиатуры служат в основном специализированными названиями предметов. На знание и употребление слов такого рода влияет степень их значимости для говорящего коллектива, т.е. дополнительное действие оказывают причины социолингвистического характера. Так, сущ. *бомж*, *вуз*, *ТЭЦ*, *ГАИ*, *КАМАЗ* и т.п. являются привычными, частотными, широко употребительными словами, вызывающими в сознании говорящего значительное число ассоциативных связей. Кроме того, семантика подобных слов совпадает с их мотивационным значением. Тогда как, например, аббревиатуры *эсэр*, *кадет* можно причислить к разряду неактуальных для среднестатистического носителя языка, малоупотребимых и даже незнакомых в плане семантики слов. Немаловажную роль играет сфера функционирования лексической единицы. Сущ. *дом*, *дзот*, к примеру, являются специальной лексикой военной сферы, *МИГ*, *ТУ* широко известны в области авиации, *ЗИЛ* – в области автомобилестроения. Мотивировочные признаки данных единиц являются неинформативными для рядовых носителей языка, что и вызывает их ДМ. Слово *загс* также теряет смысловую зависимость от производящих слов ввиду неактуальности признаков, лежащих в основе образования слова. Носитель языка не соотносит данное учреждение с тем, что в нём производится именно запись актов гражданского состояния, для него это место, где регистрируется брак. Использование при номинации данного слова термина «гражданское состояние», имеющего официально-деловую окраску, усугубляет разрыв мотивационных связей. Интересно, что показания метаязыкового сознания демонстри-

руют тенденцию к обретению данным немотивированным словом ремотивационных отношений. Многие говорящие мотивируют сущ. *загс* глаголом *зарегистрировать*: «Это учреждение назвали так потому, что в нём можно зарегистрировать семейные отношения».

Итак, узость смысловой структуры, низкая степень значимости слова, ограниченность ассоциативных и структурных связей, сферы употребления либо то, что объём знаний, репрезентированный словом, является недостаточным для коммуникативного использования обуславливает ДМ некоторого рода аббревиатур.

5. На возникновение ДМ могут влиять **особенности безаффиксного способа словообразования**, при котором существительные образуются без посредства суффиксов и приставок. Данная причина наряду с семантическими процессами лежит в основе ДМ слов *вкус* (от *вкусить*), *вопрос* (от *вопросить*), *изверг* (от *извергать* «бросать»), *изувер* (от *изуверить* «убеждать»), *крест* (от *Христос*), *узор* (от *узреть*) и др.

Процесс ДМ может быть вызван широко распространенным в разговорной речи явлением усечения слова (ср. *мат*, *зам*, *зав* и т.п.), т.е. эллиптическим отпадением части слова (чаще последней). Причину ДМ такого рода наблюдаем, к примеру, в сущ. *баки* «волосы на висках и щеках» (от *бакенбарды*). Утрата ВФ в этом слове обуславливает тот факт, что лексическая единица стремится к обретению новой ВФ. Показания метаязыкового сознания фиксируют далеко не единичные случаи ремотивационных отношений сущ. *баки* со словом *бок*: «Баки растут сбоку, по бокам, потому и такое название».

Иногда происходит стяжение слова, опускается какой-либо отрезок внутри слова, что стимулирует возникновение ДМ. Так, эллиптический пропуск компонента привёл к затемнению ВФ слова *рация*, которое является производным от сущ. *радиостанция*.

Практические задания к § 6

Задание № 1. В каких существительных суффикс **-от-** повлиял на демотивацию слова? *Глухота, живот, льгота, немота, пахота, пехота, работа.*

Задание № 2. В каких словах содержится демотивированный в современном русском языке суффикс? *Натаха, плаха, птаха, растеряха, рубаха, черепаша.*

Задание № 3. С помощью этимологического словаря выясните способ словопроизводства данных существительных и установите, с чем связано затемнение внутренней формы слов.

1) *дуло, крыло, мыло, сало, стол, шило.* 2) *изъян, копна, сено, стан.*

Задание № 4. В каких существительных «память» о внутренней форме слова, хранившаяся в морфемах, исчезла вместе с отмиранием в языке значимости суффикса **-р-** ?

1) *жир, кадр, ливер, пир, тир, эфир.* 2) *выдра, жабра, квартира, пудра.*

Задание № 5. Опираясь на данные этимологических словарей, выясните морфемный состав слова с исторической точки зрения. Укажите демотивированные структурные компоненты. *Дело, изъян, парень, плуг, рот, сапог, сметана, топор.*

Задание № 6. Выберите нужный ответ:

Демотивация, вызванная слиянием корневых узлов в единое целое, наблюдается в словах

2) *балагур*

7) *оплеуха*

3) *гумно*

8) *прапорщик*

4) *девушка*

9) *тётя*

5) *завхоз*

10) *человек*

6) *коромысло*

11) *челюсть*

§ 7. Причины демотивации, лежащие в сфере лексических преобразований

В лексической системе языка, имеющей многообразные пути развития, одним из основных видов изменений в словарном составе является выпадение лексических единиц и отдельных значений из общего словарного запаса. Это происходит, как известно, в связи с изменениями социального строя, материальной и духовной культуры – науки, техники, искусства, с изменениями общественного сознания. Подобные процессы не могут не влиять на «внутреннюю» жизнь словесного знака, в частности на состояние ВФ в тех или иных лексических единицах.

1. ВФС прекращает своё существование в том случае, если происходит архаизация и последующее исчезновение из языка единиц, этимологически связанных с данным словом. Как правило, это **выпадение из системы языка производящего (мотивирующего) слова**. Отсутствие в современном языке мотиватора и определяет возникновение ДМ слова. Данный процесс является, пожалуй, основной причиной появления демотивированных единиц в русском языке.

Так, слово *клещи* представляется сегодня немотивированным в связи с исчезновением мотивирующего глагола *клевстить* «сжимать, стискивать». По той же причине оказались демотивированными существительные: *басня* – от *баять* «рассказывать»; *бондарь* – от *бонда* «бочка»; *бублик* – от *буба* «нечто круглое, шарик»; *бык* – от *бучать* «издавать характерный звук»; *выхухоль* – *хухать* «вонять»; *гнёт* – от *гнести* «давить»; *кишка* – от *киша* «внутренность, чрево»; *ребёнок* – от *робя* «дитя»; *репей* – от *реп* «тычинка, кол»; *решето* – от *рех* «отверстие, дыра»; *рогожа* – от *рогоз* «тростник, камыш»; *рюмка* – от *ромишка* «римская чара»; *сдоба* – от *доба* «нечто подходящее, хорошее»; *сирота* – от *сир* «одинок, безродный»; *скорняк* – от *скорня* «изделие из кожи, меха»; *скряга* – от *скра* «камень»; *слякоть* – от *сляка* «слизь, слеза»; *хобот* – от *хабить* «хватать, хапать» и др.

2. Затемнению ВФС может способствовать **переход лексических единиц из активного словарного запаса в пассивный**. К пассивному словарю относятся словесные знаки, ещё известные носителям языка, но уже малоупотребительные, устаревшие и устаревающие. Устаревание лексических единиц происходит под влиянием экстралингвистических факторов, в частности связано с исчезновением явления или предмета. Историзмы как элементы языка периферии словарного состава современного русского языка выходят из активного употребления и не используются для номинации новых реалий, но в силу сущности обозначаемых ими исторических понятий не выпадают из языка и хранятся в памяти говорящих. Таким образом, деактуализация тех или иных понятий, минимальное использование устаревших единиц в процессах коммуникации и их обособленность в системе языка (т.е. ослабление и потеря связей с однокоренными словами, сужение круга лексической сочетаемости и др.) обуславливают возникновение процесса ДМ.

Демотивация, вызванная причинами такого характера, наблюдается в словах *барин* (из *боярин*), *барышня* (из *боярышня*), *государь* (из *господарь*, образованного от сущ. *господь*), *сударь* (из *государь*), *челядь* (от *человек*, имевшем старшее значение «прислуга»). Затемнение «внутреннего образа» данных слов возникает в связи с тем, что в современном обществе не выделяются названные сословия людей.

По причине исчезновения из жизни понятий, названных словами, происходит утрата мотивационных связей в существительных:

оброк «вид налога, при котором часть дохода крестьяне отдавали барину» - от гл. *ректи*, т.е. договориться, обречь себя на плату налога;

пошлина «налог, который платили, посылали по заведённому обычаю» - от гл. *послатъ*;

челобитная «грамота царю с какой-либо жалобой, просьбой, при которой как бы бьют челом, т.е. низко кланяются» - от словосочетания *бить челом* «лбом».

Научно-технический прогресс изменил род занятий людей и их трудовую деятельность, отсюда исчезают, например, некоторые виды ремесленных и дру-

гих профессий и всё, что с ними связано. Так, устаревают понятия *бондарь* «человек, делающий бочки, бонды»; *бурлак* «член артели, занимающейся проводкой на бечеве судов» - от *бурлан* «беспокойный человек, задира» (бурлаки нередко вели разгульную, пьяную жизнь); *гончар* «мастер изготовления посуды из глины» - от *горнец* «горшок»; *зодчий* «человек, строящий здания, создающий что-либо из глины» - от *зда* «глина»; *воевода* «возглавляющий войско», букв. «ведущий на войну»; *канонир* «человек, который осуществляет пушечные залпы» - от сущ. *канонада*. Подобные слова как бы перестают быть нужными и теряют для нового поколения свою понятность, чем и обусловлено «обесцвечивание» их ВФ.

В определённых словах затухание мотивационных отношений связано с тем, что некоторые лексические единицы ещё не перешли в разряд историзмов, но уже находятся на грани активного и пассивного словаря. Это слова, называющие предметы и явления недалёкого исторического прошлого, окончательно не перешедшие в пассивный словарь, но проявляющие тенденцию к устареванию и в связи с этим к утрате ВФС. Чаще всего к ним относится этнографическая лексика: *балалайка, борона, веретено, гусли, кокошник, коромысло, корыто, лапти, посох, соха* и т.п. Причины этого лежат в сужении сферы использования данной лексики, она ограничивается в основном областью крестьянского быта. Сущ. типа *горница, гумно, кадка, крынка, лукошко, онуча, портянка, сени, станица, телега, узда, хомут* и др. широко употребимы жителями сельской местности, можно даже заметить, что данные слова ограничены использованием круга лиц старшего поколения, т.е. пассивность функционирования данных единиц в какой-то мере зависит от социальной дифференциации языка. Всё это не может не оказывать своего воздействия на состояние мотивированности в такого рода словах.

3. Процесс лексической ДМ предопределяет **территориальная ограниченность в употреблении мотиватора**, под которой понимается принадлежность мотивирующего слова к словарному составу диалекта. Опора мотивологов и этимологов на факты диалектов позволяет реконструировать первичную

структуру слова и объяснить современное состояние многих лексических единиц. «Материал диалектов – это неисчерпаемая сокровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаические слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке» [Откупщиков Ю.В., 1968, 108]. Несколько иллюстраций. Сущ. *багульник* – от диал. *багно* «болото»; *бугор* происходит от диал. *бгать* «сгибать», бугор букв. «сгиб»; *булыжник* – от диал. *булыга* «глыба, камень»; *лыжи* – от диал. *лызгать* «скользить»; *ляжка* – от диал. *ляга* «нога, бедро» (ср. *лягаться*, т.е. бить ногой); *мастак* – от диал. *маста* «ученье, наука, мастерство»; *материк* – от диал. *матёрый* «твёрдый»; *мгла* – от диал. *мга* «сырой и холодный снег»; *мозг* – от диал. *мзга* «мокредь» (мозг назван за свою мягкую «мокрость, по сравнению с сухим твёрдым черепом); *мозоль* – от диал. *мосолить* «тереть, жать»; *оскомина* – от диал. *скомить* «щемить, давить»; *рухлядь* – диал. *рухлый* «неплотный, сыпучий»; *скука* – от диал. *кука*, *кучать* «медлить, плакать»; *снасти* – от диал. *снадити* «скрепить, соединить» и др.

Во всех перечисленных примерах исторический корень продолжает жить в современном литературном языке и в говорах, однако анализируемые существительные уже не соотносятся с ним.

4. Разрушение мотивационных связей между словами может быть вызвано **стилистической ограниченностью в употреблении мотивата или мотиватора.**

Так, принадлежность слова к высокому стилю, использование его по большей части в книжной, письменной речи можно назвать причиной ДМ следующих лексических единиц: *веха* «этап в развитии чего-либо» - от гл. *вить*; *забвение* «отсутствие памяти» - от гл. *забыть*; *обет* «клятва» - от гл. *обещать*; *паломник* «странствующий по святым местам» - от сущ. *пальма* (паломники возвращались с пальмовыми ветками); *наперть* «крыльцо перед входом в церковь» - от гл. *переть*, где *перть* «дверь» (ср. *запереть*, *отпереть*); *склеп* «закрытое подземное сооружение, в котором находятся гробы» - от гл. *клепать* «скреплять»; *снесь* «еда» - от гл. *съесть*; *чета* «супружеская пара» - от прил. *чётный* (ср. *считать*) и т.п.

Лексика сниженного употребления, носящая грубый, бранный характер, также ограничена сферой своего употребления. Она характеризуется использованием лицами определённого социального круга, что затрудняет выявление в ней свойства мотивированности обычными носителями языка. Примерами могут служить слова: *дерьмо* «дрянь, кал» - от гл. *драть*; *паскуда* «подлец» - от *скудный*, т.е. обеднённый морально; *ублюдок* «негодяй» - от *блуд*, *блудить* «вести беспорядочную жизнь» и др.

Стирание ВФС зависит от стилистической дифференциации мотивирующего слова. Многие лексические единицы образованы от существительных, используемых сегодня исключительно в книжной речи, в языке литературно-художественного стиля, отличающихся торжественностью звучания, поэтическим слогом. В связи с этим наблюдаем ДМ в словах: *возмездие* – от *мзда* «отплата»; *завет, навет, ответ, привет* – от *вещать* «говорить»; *наперсник* – от *перси* «грудь»; *напёрсток, перстень, перчатки* – от *перст* «палец»; *сени* – от *сень* «тень»; *чародей* – от *чары* «колдовство»; *челюсть* – от *уста* «губы».

Сущ. *жулик*, напротив, испытало ДМ по причине ограниченности употребления мотиватора рамками блатного аргота. Данное слово образовано от неизвестного в литературном языке сущ. *жул* «нож», затем появилась его уменьшительная форма *жулик* «маленький нож, который легко прятать». Это значение перешло в значение «мелкий вор, злоумышленник».

5. На возникновение ДМ может влиять такой лексический процесс, как **контаминация**. При контаминации, как известно, слова, близкие по фонетическому облику и имеющие некоторое сходство в значениях, сливаются в одно, впоследствии развивая новые значения на основе общей семантики. В результате действия данного процесса слова, приспособляясь друг к другу, видоизменяют свой внешний вид, что вызывает забвение исходного мотивационного значения слов и как следствие - их внутренней формы.

Явный случай контаминационного переосмысления наблюдаем в слове *лапша*, восходящему к более древнему *локша* (от *лакать* «хлебать»). Фонетический облик слова изменён по влиянию близкого по значению и сходно звуча-

щего более экспрессивного глагола *лопать* «есть». В силу этого невозможно восстановить его былые мотивационные связи.

Другие примеры подобного семантического и формального симбиоза, ставшего причиной возникновения демотивационных отношений:

Ахинея – от церк.-слав. прил. *афинеийский* «лжемудрый, мнимоучёный» (ср. *Афины*). Оказывает воздействие диал. гл. *хинить* «бранить, хулить» (от топонима *Хина* «Китай» (ср. выражение *китайская грамота* «нечто непонятное»). *Ахинея* первоначально «бестолковая речь».

Бечева – из *бетева* «основная верёвка при тяге судов» (от *бетъ* «доска на палубных судах, через которую проходит мачта». Происходит скрещение с сущ. *бич*, откуда гл. *бичевать*.

Обормот – префиксальное образование с помощью немецкой приставки *обер-*, обозначающей должности, чины (ср. *обер-мастер*, *обер-офицер*, *обер-прокурор*) и иногда иронически называющей лицо по высшей степени какого-либо отрицательного свойства (ср. *обер-враль*, *обер-плут*) + сущ. *мот* (от *мотаться*), с последующим звуковым переоформлением под влиянием сущ. *оборванец*.

Практические задания к § 7

Задание № 1. Реконструируйте внутреннюю форму данных существительных и установите причину демотивации слов. *Вереница*, *запястье*, *марево*, *мошеник*, *разлука*.

Задание № 2. Выберите правильный вариант ответа:

Исчезновение из русского языка мотивирующей лексической единицы явилось причиной демотивации следующих слов

1. <i>изверг</i>	5. <i>крыса</i>	9. <i>прачка</i>
2. <i>колокол</i>	6. <i>недуг</i>	10. <i>суета</i>
3. <i>корыто</i>	7. <i>окорок</i>	11. <i>туша</i>
4. <i>край</i>	8. <i>плечо</i>	12. <i>щавель</i>

Задание № 3. В каких словах демотивация связана с переходом лексической единицы из активного словарного запаса в пассивный?

Басня, бирюлька, веретено, гренки, калач, лукошко, ожерелье, оспа, снесь, соха, хлястик.

Задание № 4. По первичным мотиваторам, принадлежащим к диалектной лексике, установите демотивированные существительные современного русского языка.

Бутеть «толстеть». *Бухонить* «набухать, делаться пышным». *Жабать* «жрать, глотать». *Мухрый* «невзрачный, плохой». *Клякать* «падать на колени, шататься». *Колыбать* «колыхать, качать». *Балдак* «трость, палка». *Глоба* «длинная палка». *Мулить* «мутить воду».

Задание № 5. Демотивация каких существительных обусловлена принадлежностью слова к книжному стилю речи?

Вечер, колос, нега, нива, оплот, пучина, случай, стезя, точка.

Задание № 6. Определите первичные мотиваторы данных существительных. Чем вызвано затемнение внутренней формы слова?

Окно, перчатки, смородина, соратник, устье, чёлка.

Задание № 7. Выберите правильный вариант ответа:

Процесс контаминации явился причиной демотивации слов

1. <i>гриб</i>	5. <i>позвоночник</i>
2. <i>корзина</i>	6. <i>провода</i>
3. <i>кочерга</i>	7. <i>слюна</i>
4. <i>плющ</i>	8. <i>утёс</i>

§ 8. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере семантических преобразований

Особое место в процессе ДМ занимают собственно семантические изменения в историческом развитии слова. Семасиологическая сторона наших слов не является чем-то постоянным и устойчивым. Как и все элементы языка, смысло-

вая структура слова находится в состоянии непрерывного развития. В связи с этим семантические преобразования, происходящие в мотивированном или мотивирующем слове, не могут не повлиять на характер ВФС. Многие исследователи считают семантический аспект изучения ВФС одним из сложнейших в ходе этимологического анализа, т.к. «системность и закономерность семантических изменений далеко не столь очевидна, как в области фонетики и морфологии» [Шелепова Л.И., 1977, 31]. Кроме того, трудность установления закономерностей в процессах изменения значения объясняется тем, что они, в отличие от формальных, чаще всего не внутриязыковые, а «ведут за пределы языка, с одной стороны, в область мышления и психологии, с другой, - к объективной действительности: к истории, социологии, культуре, быту народов» [Абаев В.И., 1960, 73].

В массе сложных семантических процессов, приводящих к ДМ, можно выделить наиболее важные типы изменений. К их числу относятся следующие.

1. Изменения, которые произошли в семантике первичного мотиватора слова. В этом случае мотиват и мотиватор функционируют в языке, но отношения мотивированности между ними полностью утрачены по причине выпадения из современной системы языка одного из значений мотивирующего. Отсюда: ранее мотивированная единица превращается в демотивированную. Так, например, сущ. *врач*, исходным значением которого было «тот, кто лечит наговором», первоначально мотивировалось гл. *врать* в значении «говорить». Утрата данного значения у слова *врать* привела к ДМ сущ. *врач*. В слове *мещанин*, исторически производном от сущ. *место*, которое употреблялось в ныне утраченном значении «город», изменение семантики мотиватора повлекло за собой разрушение мотивационных связей. Аналогичные примеры:

Бурьян – от гл. *бурить* «разорять, разрушать» (растение названо по буйному росту и разрушающему действию). Ср. современное знач. «делать скважину».

Варежка – от гл. *варить* в знач. «защищать». Совр. знач. «подвергать тепловой обработке».

Гроб – от гл. *грабить* в знач. «грести». Совр. знач. «воровать».

Ошибка – от гл. *ошибиться* «нанести удар мимо цели». Совр. знач. «сделать что-либо неправильно».

2. Изменения, которые произошли в мотивированном слове. Изменение семантики слова, как правило, не одноимённый акт, а результат накопления нового в недрах старого. Вначале «неочевидные», «неявные» семантические сдвиги переходят в устойчивые, узусальные, что в конечном итоге приводит к формированию новых значений. В смысловой структуре мотивированных слов смещается лексико-семантический центр, и на базе основного значения образуется частное, которое закрепляется в качестве единственного. Если объём значения лексической единицы не статичен, то он в разные периоды существования слова может как сужаться, так и расширяться. Отсюда изменения в мотивированном слове делятся на две разновидности: преобразования, вызванные расширением семантического объёма и сужением лексического значения слова.

А) Преобразования, характеризующиеся **расширением семантического объёма мотивата**. «Расширение объёма применения выступает в тех случаях, когда в новом употреблении слово охватывает больший круг понятий, т.е. может быть употреблено как средство называния шире, чем раньше» [Булаховский Л.А., 1953, 71]. Семантическая структура расширяется в результате разделения одного значения на два разных или в результате перехода оттенка в самостоятельное значение. Например, сущ. *плотник* сегодня не вызывает представления о человеке, изготавливающем плоты, хотя первоначально обозначало «мастер по плотам, скреплению брёвен». Предельно расширив свою семантику, слово приобрело более широкое значение «столяр, мастер по деревообработке», что и послужило причиной ДМ. Другой пример: сущ. *подоплёка* первоначально было связано со словом *плечо*, поскольку обозначало «подкладка у рубахи от плеч до груди». В процессе семантического переосмысления у данного существительного появилось более отвлечённое и обобщённое значение «действительная, но скрытая причина каких-либо действий».

Масть – от гл. *мазать*. *Масть* первонач. «жир», затем «то, чем смазывают, окрашивают», далее «цвет (о лошадях, картах)».

Облава – от сущ. *лов* «охота». Первонач. «отряд, войско», затем «цепь людей, окружающих место для захвата», далее «засада».

Образ – от гл. *разить* «ударять». Первонач. «удар, след от удара», затем «то, что вырезано, выбито», далее «вид, форма, облик».

Чепуха – от сущ. *чеп* «щепка, крошево». Первонач. «очистки, отходы», затем «что-либо незначительное, пустяк», далее «вздор».

Приведённые примеры показывают, что значение ранее мотивированных единиц, расширивших свою семантику, изначально являлось конкретным, в дальнейшем на его основе развивается абстрактное значение, т.е. в процессе расширения семантики увеличивается предметно-вещественное содержание слова и сфера его применения. «Общая тенденция семантического развития от конкретного к абстрактному отражает реальные сдвиги, происходившие в мышлении человека на протяжении многовековой истории человеческого общества» [Откупщиков Ю.В., 1973, 123].

Б) Семантическое движение, в котором наблюдается **сужение лексического значения слова**. Это процесс, противоположный процессу расширения объёма значения. В результате его действия слова приобретают более узкий смысл, нежели раньше. В лингвистике данное явление называют конкретизацией или специализацией значения. Сужение значений связано с дифференциацией признака, т.е. обобщением группы признаков в одном значении слова. Этот языковой феномен иллюстрирует сущ. *ворот*. Первоначально так называлось «всё то, что вращается, поворачивается», затем – «часть тела, шея». Позднее закрепилось значение «край одежды, облегающей шею, вырез для ворота (шеи)».

Дача – от гл. *дать*. Первонач. «то, что даётся, отдаётся», затем «дарованная князем земля», затем «земельный участок», далее «загородный дом для отдыха».

Зоб – от гл. *зобати* «есть». *Зоб* первонач. «пища вообще», затем «то, с помощью чего поглощают пищу, т.е. горло».

Позор – от гл. *позреть* «посмотреть». Первонач. «взгляд», затем «зрелище», затем «зрелище, оскорбляющее чью-либо честь», далее «постыдное положение».

Ружьё – из сущ. *оружие*. Первонач. *ружьё* «вооружение», затем «один из предметов вооружения», далее «ручное огнестрельное оружие».

3. Развитие лексического значения слова, при котором наблюдается **образование смысловой отдалённости между мотиватом и мотиватором**. Утрата мотивационных отношений связана с большим расхождением старой ВФС с фактическим его употреблением в языке, что может быть вызвано редкой (нулевой) актуализацией мотивационных отношений данного слова. Так, слово *пёс* «собака» уже не ассоциируется с его первоначальным мотивирующим *пёстрый* (название животному было дано по цветной пятнистой окраске). Сущ. *вилка* уже не связывается со словом *вилы*, поскольку представление о вилах в мотивированном слове у носителей языка является стёртым. Слово *немец*, в основе которого лежит представление о немом, т.е. о не говорящем на понятном славянском языке человеке, подвергается ДМ в силу расхождения исконной мотивировки в виде *немой* с фактическим употреблением сущ. *немец* по отношению к людям, которых нельзя считать немymi.

Несмотря на то, что между мотиватором и мотиватом наблюдается некая фонетическая близость, носители языка не осознают их семантическое сходство и мотивационные связи. Вероятно, для современного человека с течением времени перестали быть существенными признаки, положенные в основу номинации подобных слов, т.к. при назывании тех или иных предметов оказывала действие система представлений об окружающем мире, которая существовала в разные периоды развития человечества. Название одной из четырёх сторон света *запад* было дано с опорой на мотивационный признак «падать, западать», что было связано с особым представлением об устройстве мироздания: солнце, как считали древние, западало за горизонт. С точки зрения современного носителя языка данный мотивировочный признак является несущественным, и ВФС затемняется. «Выделение одного из признаков предмета в качестве мотивировочного – не длительный процесс, а акт, причём акт, до известных пределов допускающий воздействие субъективно-личностных и ситуативных факторов. Каждое наименование в принципе имеет своего конкретного автора, создающего

его в определённое время и в определённых условиях. Поэтому мотивировочный признак может быть случайным, не отвечающим сущности называемого предмета» [Голев Н.Д., 1977, 24].

Т.Г. Аркадьева связывает семантическое расхождение этимологически родственных слов с положением стержневой семы в структуре значения. Она может быть утрачена или трансформирована, может произойти изменение нагрузки или расщепление стержневой семы. К примеру, в слове *шурин* (от гл. *шить*), имеющем буквальное значение «тот, кто «пришит» к роду посредством брака своего родственника», стержневая сема «шить» утрачена, что и вызвало деэтимологизацию данного слова. По мнению исследователя, в лексических единицах, ранее связанных мотивационными отношениями, «значения слов отпочковываются от семантического направления, заданного этимомом. Образование этимонимов идёт по линии накопления новых сем, в сумме превышающих пространство этимолого-семантического поля» [Аркадьева Т.Г., 1990, 17].

4. Утрата образности, метафоричности, имевшей место при наименовании предмета. А.А. Потебня назвал данный процесс прозаизацией слова, а Л.Г. Долженкова «снятием» в имени момента языкового творчества» [Долженкова Л.Г., 2000, 168]. Между лексическими единицами исчезает былое сходство признаков, которое нередко при первоначальном представлении является субъективным и случайно возникшим. Кроме того, причиной потускнения образа в самом общем плане может служить частота его употребления. Носитель языка привыкает воспринимать образные слова как знаки, передающие просто фиксируемое ими значение. На основе метафорического мотивировочного признака формировалась когда-то ВФ слова *рожа* «морда» (экспрессивное образование на базе слова *рожа* как название болезни; *рожа* – лицо, как у больного рожей), которая для современных носителей языка уже не является живой. Результаты подобного процесса, инициирующего ДМ, нашли отражение в словах:

болван «негативно о человеке» – от сущ. *болван* «бревно, чурбан» (ср. *болванка*);

ирис «сорт конфет» - от *ирис* «цветок» (конфета отличается особой душистостью и пёстрой окраской компонентов (сахара, шоколада, сливок);

зефир «сладость» - от сущ. *зефир* «лёгкий ветер» (продукт назван по своей лёгкости, воздушности);

перепалка от гл. *палить* «стрелять» (ссора напоминает перестрелку);

пещера – от сущ. *печь* (названа по внешнему сходству с печью);

шея – от гл. *шить* (шея словно пришивает голову к туловищу).

В сущ. *копчик* «конечная часть позвоночника», образованном от диал. *кобчик* «маленький сокол, ястреб» (название кости дано по её внешнему виду, схожести с птицей) утрата ВФС обусловлена не только угасанием метафоричности, но и специализацией мотивата (слово становится медицинским термином). Аналогичным образом пережили прозаизацию и специализацию сущ.: *грыжа* – от гл. *грызть* (грызущая боль); *мышца* – от *мышь* (переносное значение возникло на том основании, что сокращение мускулов производило впечатление, будто под кожей бегает мышь); *пестик* (цветка) – от сущ. *пест* «палка» (по внешнему сходству); *скула* – от сущ. *скала* (скулы возвышаются на лице, будто скалы).

5. ДМ наступает, когда происходит **утрата признаков метонимического переноса**, который лежал в основе номинации слова. Семантический сдвиг в значении наблюдается, например, в сущ. *восток* (от гл. *востечь*) и *запад* (от *западать*), утративших значение процессуальности (действие - место действия (восхода/захода солнца)). Современное значение слов - «стороны света» - выходит за рамки ситуации, рисующей движение светила. ДМ данных слов закрепляется следующим шагом семантического развития – терминологизацией, сужением объёма понятия: одно из значений многозначного слова превращается в самостоятельную лексическую единицу. Существительные не только теряют какие бы то ни было семантические связи со своими истоками – глаголами, но и оказываются вовсе не соотносимыми с глагольной семантикой. Аналогично:

Беседа – от наречия *без* «вне, снаружи» + сущ. *седа* «сидение». *Беседа* первонач. «сидение вне дома», затем «разговор во время такого сидения», далее «разговор вообще».

Осока – первичное знач. «действие по гл. *осечь*»; далее – результат конкретизации, метонимии «растение, которым можно осечься».

6. Стирание ВФС может быть связано с **малой информативностью мотивирующего признака**. Если в самом общем виде мотивацию охарактеризовать как понимание менее известного через более известное, то в этом случае мотивирующее слово не выполняет предназначенной ему функции. Отсутствующая информация в мотиваторе ограничивает возможность носителей языка понять характер и способ мотивировки, и мотиватор как таковой забывается. Часто подобная неинформативность мотивирующего вызвана его принадлежностью к классу собственных имён.

Архаровец «о человеке» - от фамилии *Архаров* (московский полицейский 18 - нач. 19 вв.). У слова развилось знач. «правонарушитель», позднее «буян».

Баян «муз. инструмент» - назван по имени др.русс. певца *Бояна*.

Берданка «винтовка» - название дано по имени изобретателя американского полковника *Бердана* (1868).

Общеизвестно, что выбор мотивирующего признака слова, который определяется отношением человека к обозначаемому предмету, может характеризоваться случайностью и субъективностью, он способен подчиняться «ситуативным, разовым потребностям» [Голев Н.Д., 1989, 101]. Существует множество примеров слов, в которых закрепилось далеко не объективное представление человека о предмете или явлении, характерное для определённой эпохи. Так, во многих существительных звукоподражательного характера, таких как *выть*, *гагара*, *гусь*, *хомяк*, *хряк*, *чушка*, *жук*, *имель* и др., ВФ перестала осознаваться носителями языка, главным образом, по причине малой информативности мотивировочного признака (особенностей пения птиц и криков животных). Приведённые существительные обладают достаточным количеством других, более ярких, признаков, способных актуализироваться в речи. Кроме того, природные звуки, положенные в основу номинации подобных единиц, как правило, нельзя достаточно точно и единообразно передать с помощью артикуляции человека. Есть уверенность, что разные люди пение одной и той же птицы воспроизведут

и охарактеризуют по-разному. «Характер звукоподражательных слов в значительной степени зависит от фонетических особенностей конкретного языка. Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленить неартикулируемый поток звуков на фонемочленимый комплекс. Это членение носит сугубо индивидуальный характер по принципу, что кому слышится и как представляется» [Сетаров Д.С., 1992, 9]. К этой же группе слов отнесём и такие звукоподражательные существительные, как: *брюзга* (человек), *гомон*, *колокол*, *лепет*, *хрюц*, *шкварки* и др.

Как уже отмечалось, довольно часто выше перечисленные факторы ДМ (фонетические, морфологические, лексико-семантические) действуют совместно. Так, слово *неряха* (от сущ. *ряха* в знач. «щеголиха» - от гл. *рядиться*, *наряжаться*) восходит к *нерядха*. В данном существительном лексическая ДМ произошла по причине: 1) звуковых изменений: в результате упрощения группы согласных утратился звук -д-; 2) десемантизации суффикса и опрощения приставки *не-* и суффикса -х-; 3) семантических преобразований: *неряха* первонач. «не заботящаяся о нарядах, об одежде», затем развивается знач. «неопрятный, неаккуратный человек вообще».

Слово *кожа* оказывается демотивированным вследствие, во-первых, изменения внешнего облика слова (от *коза*; чередование з/ж), во-вторых, изменения лексического значения, а именно его расширения (если раньше слово *кожа* имело знач. «козья шкура», то на данный момент значение «кожа» не конкретизировано (кожа любого животного, человека), сема «козья» исчезла как неактуальная.

Сущ. *батя* «отец» - ум.-ласк. форма (с выпадением звука -р- и смягчением -т-) от исходного **bratrъ* «брат». Первонач. *батя* – это интимное обращение к старшему брату, затем – в результате развития лексического значения – к отцу.

Буква «знак в азбуке» – исходно *боуки* (от сущ. *бук* «вид дерева»). Наблюдается перенос по смежности с буком, на дощечках из которого в древности изображались письмена. В результате фонетических изменений – чередования *ы/ва* после -к- (как *тыкы* – *тыква*) – др.русс. *боуки* превратилась в *буква*.

Практические задания к § 8

Задание № 1. При помощи этимологического словаря определите, в каких словах утрата внутренней формы вызвана изменениями в лексическом значении первичного мотиватора.

1. калина	6. простыня
2. ковыль	7. рысь
3. лишай	8. скряга
4. морс	9. слива
5. налим	10. чеснок

Задание № 2. Опираясь на этимологические данные, выберите правильный вариант ответа:

Демотивация, связанная с расширением семантического объёма мотивата, наблюдается в словах.

Бык, внук, обруч, рубеж, союз, чайка.

Задание № 3. Отметьте верный вариант ответа:

Сужение лексического значения слова, способствующее демотивации, наблюдается в словах

1. борщ	5. палка
2. горница	6. росамаха
3. знамя	7. хомяк
4. игла	8. черепаха

Задание № 4. Установите, истинными или ложными являются мотивационные отношения между данными словами.

Будка - будить. Гнев – гнить. Козырёк – коза. Лишай – лишний. Овраг – враг. Счастье – часть. Тесть – тесто.

Задание № 5. Определите, имеется ли генетическая связь между следующими лексическими единицами.

Бурка – бурый. Вече – вечер. Дрожжи – дрожать. Рысь – рыжий. Сало – сесть. Слеза – слезать. Телега – телец.

Задание № 6. Реконструируйте внутреннюю форму слова и определите, в каких лексемах демотивация обусловлена образованием смысловой отдалённости между мотиватом и мотиватором.

Батрак, весна, гусеница, дитя, дуло, копьё, кортик, место, пацан, уголье.

Задание № 7. Выявите бывшие мотивационные связи существительных. Установите, демотивации каких слов способствует утрата метафоричности.

Берёза, клещ, поршень, пузырь, селезень, хвощ, шкварки, ягода.

Задание № 8. Установите, демотивация каких слов связана с отсутствием осознания метонимического переноса, лежащего в основе номинации.

Банка, воздух, грива, забор, копейка, нахал.

Задание № 9. Определите, в каких словах малая информативность мотивирующего признака явилась причиной утраты внутренней формы слова.

1. брюхо

5. зодчий

9. сова

2. волынка

6. месяц

10. труба

3. грач

7. пух

11. чайка

4. дрязги

8. свинья

12. черенок

Задание № 10. Проведите этимологический анализ и определите причины демотивации данных существительных.

Гурьба, запонка, конец, лощина, область, потолок.

§ 9. Экстралингвистические причины стирания внутренней формы слова

Изменения в лексико-семантической системе языка самым тесным образом связаны с развитием материальной культуры народа, с изменением идеологии, социальных отношений в обществе, с процессом углубляющегося познания мира и научно-техническим прогрессом. Всё это во многом обуславливает и развитие процесса разрушения мотивационных отношений между словами.

Экстралингвистические факторы ДМ условно можно разделить на две группы: социально-исторические причины и психоллингвистические причины.

Сменой идеологических представлений и новыми формами общественных отношений вызвана утрата ВФ в словах:

Награда – от гл. *наградить*, букв. «подарить город». В феодальный период пожалование земель, городов было обычным вознаграждением военачальникам.

Ужин – от сущ. *юг*. Ужином называли обед, когда солнце стоит выше всего на южной стороне неба. Впоследствии в условиях городской жизни, где люди обедают обычно после работы, уже под вечер, слово стали употреблять в значении «вечерняя еда».

Чаше всего ДМ может быть обусловлена изменениями, происходящими с классом денотатов, и сменой понятий, связанных с этими денотатами. Например, слово *гривна* «денежная единица» перестало соотноситься с сущ. *грива*, т.к. древние гривны имели вид украшения из серебра или золота, которые носили на шее, «на загривке», откуда и пошло их название. Другие примеры:

Мешок – производное от *мех*, подверглось ДМ, поскольку изменился сам предмет (мешки теперь не шьются из меха, как это было в Древней Руси).

Обои – от гл. *обить*. В старину обои были из ткани, ими обивали стены.

Рубль – от гл. *рубить*. Первонач. *рубль* – отрубленный кусок ценного металла, являющийся мерой стоимости товара.

К психолингвистическим причинам затемнения ВФС исследователи относят потребность носителей языка «выразить свои эмоции и настроения или свою оценку сообщаемого факта», которая может привести к эмоциональному обесцвечиванию слова по причине частой его повторяемости и привыкания к окрашенности слова [Маслова-Лашанская С.С., 1973, 145]. Многие существительные русского языка становятся демотивированными по причине утраты ими свойства экспрессивности. Так, когда-то являлись экспрессивными образованиями слова:

дрянь «что-либо негодное» - экспрессивно из *дрань* под влиянием слов *дряблый*, *дряхлый*.

крыса – исходно *грыза* – экспрессивное образование от гл. *грызть*.

хлам «мусор» - образование с экспрессивным -х- от того же корня, что и *ломкий*.

хребет «позвоночник животного» - из *хрьбѣть* «бугор, холм», что являлось экспрессивным образованием от сущ. *горб* «спина» и др.

§ 10. Причины демотивации, вызванные взаимодействием лингвистических и экстралингвистических процессов

Нередко ДМ предопределяется взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов, как, например, в сущ. *чан* «большая посуда». Оно восходит к **дъщань*, т.е. «дощаный, сделанный из досок». Как видим, на слово оказали влияние фонетические процессы, которые вызвали изменение внешней формы, и внеязыковая причина, отражающая тот факт, что первоначально большие ёмкости (чаны) были деревянными.

Ярким примером служит также сущ. *оплеуха*. В данном слове изменилась звуковая оболочка в результате исчезновения звука -в- перед -у-. Кроме того, лексическая единица изменила и своё лексическое значение (первонач. «оплевание», затем «оскорбление плевком», современное знач. «пощёчина»). Завершают ряд преобразований в этом слове изменения в экстралингвистической действительности, которые также оказали воздействие на ослабление мотивированности в слове. По данным этимологических словарей, сущ. *оплеуха* происходит от гл. *плевать* в связи с распространённым в народе обычаем перед дракой плевать на руки.

Причиной ослабления мотивационных связей может стать отсутствие у носителей языка чёткого представления о предмете или явлении. В первую очередь это относится к словам, принадлежащим к таким тематическим группам, как названия растений, животных, птиц и рыб: *бузина*, *вереск*, *можжевельник*, *елец*, *налим*, *омуль* и др. Носители языка затрудняются определить мотивацию в подобных лексических единицах в связи с тем, что не представляют, где обитают животные, как выглядят те или иные растения, птицы, рыбы, какими свойствами они обладают.

Нужно заметить, что осознаваемость/неосознаваемость ВФС определяется и некоторыми личностными характеристиками: уровнем образованности человека, объёмом специальных лингвистических знаний, индивидуальными особенностями восприятия слова. Наблюдается также зависимость демотивационных процессов от возрастных особенностей говорящего коллектива.

Литература

1. Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. – Л., 1934. – Вып. 2. – с. 35 – 36.
2. Аветян Э.Г. Природа лингвистического знака. - Ереван: МИТК, 1968. – 223 с.
3. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Изд. лит-ры на иностр. языках, 1956. -218 с.
4. Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. – Томск: ТГУ, 2001. – 288 с.
5. Аркадьева Т.Г. К вопросу о деэтимологизации изменении морфологической структуры слова // Филологический сборник (статьи и исследования). – Ленинград: ЛГПИ, 1970. - т. 460. - с. 194 - 203.
6. Аркадьева Т.Г. К вопросу о деэтимологизации слов в русском языке // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. – Ленинград: ЛГПИ, 1972. - с. 90 - 95.
7. Аркадьева Т.Г. Деэтимологизация языка и её обусловленность в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ленинград, 1973.
8. Аркадьева Т.Г. К вопросу о деэтимологизации слова, связанной с изменениями в его словообразовательных связях // 25-ые Герценовские чтения. – Ленинград: ЛГПИ, 1972. - с. 28 - 31.
9. Аркадьева Т.Г. К вопросу о предпосылках и причинах деэтимологизации слов в русском языке // Лингвистика. 26-ые Герценовские чтения. Филологические науки. – Ленинград: ЛГПИ, 1973. - с. 9 - 13.

10. Аркадьева Т.Г. Деэтимологизация и связанные с ней преобразования в семантических отношениях слов // Слово как предмет изучения. – Ленинград: ЛГПИ, 1977. - с. 125 - 132.
11. Аркадьева Т.Г. К характеристике словарного состава брянских говоров (структурно-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде) // Брянские говоры. – Ленинград: ЛГПИ, 1978. - с. 39 - 40.
12. Аркадьева Т.Г. Явление деэтимологизации в составе глагольной лексики // Глагол в лексической системе современного русского языка. – Ленинград: ЛГПИ, 1981. - с. 104 - 110.
13. Аркадьева Т.Г. Семантическое расщепление этимологически родственных слов в брянских говорах // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения. – Ленинград: ЛГПИ, 1985. - с. 21 - 30.
14. Аркадьева Т.Г. Этимологические гнёзда слов в диалектной лексической системе // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. – Ленинград, 1989.
15. Аркадьева Т.Г. Преобразование этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Ленинград, 1990. – 31 с.
16. Балалыкина Э.А. Основные типы «семасиологического опрощения» в русском языке // Семантика русского языка в диахронии. – Калининград, 1996. - с. 34 - 40.
17. Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
19. Биbihин В.В. Принцип внутренней формы слова и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. - М.: МГУ, 1978. – Вып. 2. - с. 53 - 71.
20. Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). – Томск: ТГУ, 1984. – 192 с.
21. Блинова О.И. Русская мотивология. – Томск: ТГУ, 2000. – 47 с.

- 22.Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. – Томск: ТГУ, 2007. – 340 с.
- 23.Блумфильд Л. Язык. – Л.: Прогресс, 1986. – 607 с.
- 24.Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. - М., 1939.
- 25.Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. – т. 2. – 391 с.
- 26.Булаховский Л.А. Введение в языкознание. - Ч.2. - М.: Изд. Министерства просвещения РСФСР, 1953. - 178 с.
- 27.Булаховский Л.А. Деэтимологизация слов в русском языке // Труды института русского языка. - Т.1. - вып. 42. - М-Л.: АНССР, 1949. – с. 147 – 210.
- 28.Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - с. 233 - 244.
- 29.Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1947, 1972. – 640 с.
- 30.Волков А.Г. Язык как система знаков. - М.: МГУ, 1966. – 87 с.
- 31.Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языка). - М.: Международные отношения, 1966. – 335 с.
- 32.Гельгард Р.Р. О лексической ассимиляции в связи с ложной («народной») этимологией // Русский язык в школе. – 1956. - № 3. - с. 36 - 42.
- 33.Гинатуллин М.М. Значение слова и мотивации // Актуальные проблемы лексикологии. - Минск, 1970. - с. 54 - 55.
- 34.Голев Н.Д. Функции мотивизации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. – Томск: ТГУ, 1972. - С. 38 - 46.
- 35.Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: ТГУ, 1989. – 252 с.

- 36.Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск: ТГУ, 1977. – с. 21 - 26.
- 37.Гумбольдт В. Ф. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- 38.Гяч Н.В., Павлов В.М. О мотивированности аббревиатур // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. - М.: Наука, 1969. - С. 35 - 40.
- 39.Долженкова Л.Г. Опрошение отглагольных субстантивов: структурно-семантическое измерение: Дисс... канд. филол. наук. – Кемерово, 2000. – 222 с.
- 40.Житников В.Ф. Причины дестимологизации слов // Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. – Челябинск, 2001. - С. 10 - 15.
- 41.Житников В.Ф. Причины дестимологизации слов // Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте. – Челябинск, 2001. - С. 10 - 15.
- 42.Журавлёв А.П. Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. - Калининград, 1976. - с. 20 - 25.
- 43.Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: МГУ, 1957. – 323 с.
- 44.Зильберт Б.А. Система знаков языка, их значения и мотивированность. – Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1976. – 87 с.
- 45.Зиндер Л.Р. Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика. Фонология. Грамматика. - М.: Наука, 1971. – с. 346 - 351.
- 46.Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (к проблеме произвольности знака) // Вопр. языкознания. - 1986. - № 5. – с. 55 – 67.
- 47.Исаева Н.А. Процессы утраты внутренней формы слова (на материале имён существительных): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Калуга, 1999. – 24 с.

48. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 вв. в очерках и извлечениях. - Ч. 2. - М.: Просвещение, 1965.
49. Кияк Т.В. О видах мотивированности лексических единиц // Вопросы языкознания. - 1989. - № 1. - С. 98 - 107.
50. Котин М.Л. Процессы демотивации и идиоматизации в сфере производной глагольной лексики немецкого языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. - МГУ, 1988.
51. Крушевский Н. Об «анalogии» и «народной этимологии» // Русский филологический вестник. - Варшава, 1879.
52. Курышева М.В. Явление ремотивации в говорах: Дисс... канд. филол. наук. - Томск, 1989.
53. Куттубаева А.В. Внутренняя форма слова // Русская речь. - 1981. - № 6. - с. 36 - 39.
54. Маслова-Лашанская С.С. Лексикология шведского языка. - Л.: Изд. ЛГУ, 1973. - 208с.
55. Мигирина Н.И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке: на материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка. - Кишинёв: Штиинца, 1977. - 120с.
56. Михалёва Е.В. Явление лексикализации внутренней формы слова: Дисс... канд. филол. наук, Томск, 1994.
57. Моисеев А.И. Мотивированность слов // Учёные записки Ленинградского ун-та. Исследования по грамматике русского языка. - Ленинград: ЛГУ, 1963. - Сер. филол. наук.- вып. 68. - ч. 4. - № 322. - с. 121 - 136.
58. Моисеев А.И. Мотивированность слов // Учёные записки Ленинградского ун-та. Исследования по грамматике русского языка. - Ленинград: ЛГУ, 1963. - Сер. филол. наук.- вып. 68. - ч. 4. - № 322. - с. 121 - 136.
59. Ольшанский О.Е. О словах с опрошенным морфологическим составом // Русский язык в школе. - 1971. - № 1.

60. Олышанский О.Е. Опрошение основ имён существительных в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1973. – 18 с.
61. Пизани В. Этимология (История. Проблемы. Метод). – М.: УРСС, 2001.
62. Платон Сочинения в 3-х томах. – М., 1968.
63. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – с. 45 - 46.
64. Попова Т.В. Психолингвистический критерий опрошения основы слова // Детская речь и пути её совершенствования. – Свердловск, 1989. – с. 31 - 40.
65. Потебня А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1913, 1958. – Т.1-2. – 536 с.
66. Пугач С.А. Оживление внутренней формы слова // Русская речь. – 1978. – № 2. – с. 53 - 56.
67. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1976. – с. 147 – 188.
68. Сетаров Д.С. Именование животных: принципы и типы мотивации в славянских и тюркских языках: Автореферат дисс... доктора филол. наук. – М., 1992. – 46 с.
69. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопр. языкознания. – 1955. – № 2.
70. Снитко Е.С. Внутренняя форма в процессах номинации: Автореф. дис... докт. филол. наук. – Киев, 1990. – 33 с.
71. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
72. Султангузин Т.Г. К вопросу о противоречиях в языке // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. – Уфа, 1966. – с. 15 - 21.
73. Торопцев И.С. Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка) // Учёные записки Орловского пед. института. – т. 22. – Орёл, 1964. – 213 с.
74. Улуханов И.С. Мотивация и производность // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5 - 21.

75. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. – 1992. - № 5. - С. 74 - 90.
76. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – с. 5 – 86.
77. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике . - М., 1970.- Вып. 5.
78. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Санкт-Петербург, 1996.
79. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. - М., 1977.
80. Хижняк Л.Г. Внутренняя форма как проблема семантики // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. – Серия общественные науки, 1977. - №3. – с. 79 - 82.
81. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Калининград, 1989.
82. Черных П.Я. Этимологический словарь современного русского языка в 2-х томах. М., 1999.
83. Шанский М.Н., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
84. Шелепова Л.И. Диалекты как источник этимологии. Учебное пособие. – Томск, 1977. – 85 с.
85. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М., 1973. – с. 190 – 211.
86. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.

Список условных сокращений

ВФС – внутренняя форма слова

ДМ – демотивация

ДЭ - деэтимологизация

МЗ – мотивационное значение

МФ – мотивационная форма

РМ - ремотивация

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Проблема утраты внутренней формы слова и степень её изученности в лингвистике	3
§ 1. Сущность явления демотивации лексических единиц	6
Практические задания к § 1	11
§ 2. Границы демотивации	13
§ 2.1. Демотивация, мотивация и ремотивация	13
§ 2.2. Демотивация и опрощение	16
Практические задания к § 2	19
§ 3. Утрата внутренней формы слова как отражение тенденции к произвольности языкового знака	21
§ 4. Лингвистические факторы демотивации	32
§ 5. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере фонетических процессов	34
Практические задания к § 5	40
§ 6. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере словообразовательных отношений	42
Практические задания к § 6	49
§ 7. Причины демотивации, лежащие в сфере лексических преобразований ..	50
Практические задания к § 7	55
§ 8. Причины утраты внутренней формы слова, лежащие в сфере семантических преобразований	56
Практические задания к § 8	65
§ 9. Экстралингвистические причины стирания внутренней формы слова	66
§ 10. Причины демотивации, вызванные взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов	68
Литература	69
Список условных сокращений	76

Ирина Александровна Кунгушева,
доцент кафедры русской филологии

Явление демотивации слов: диахронический аспект. Учебно-методическое пособие.

Тираж 50. Заказ

Отпечатано в типографии АмГУ